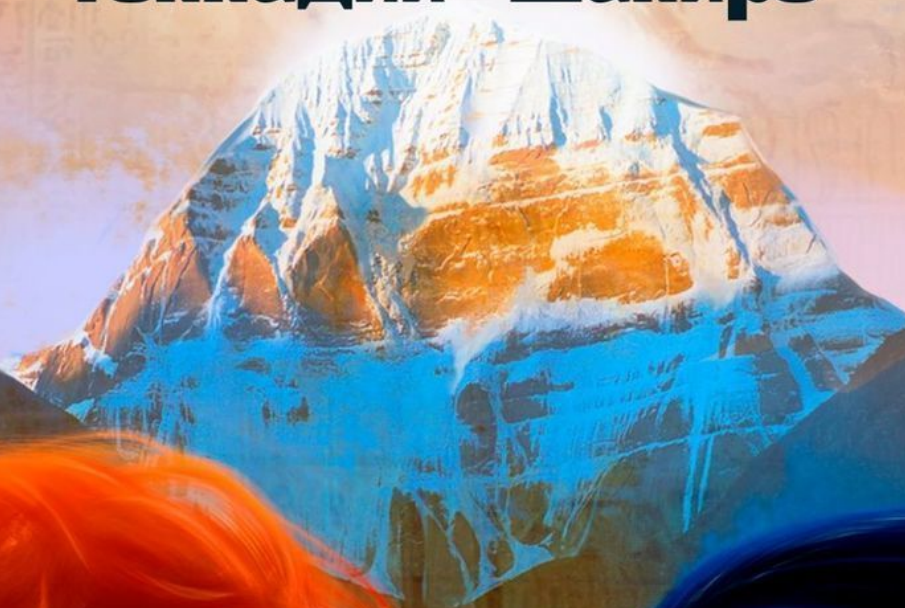

Геннадий Шапиро

**СТРАДАТЕЛЬНЫЙ
ЗАЛОГ**

Геннадий Шапиро
Страдательный залог

«Издательские решения»

Шапиро Г.

Страдательный залог / Г. Шапиро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505088-5

Предлагаемый Вашему вниманию роман, является абсолютно конъюнктурным проектом, в жанре фолк- или даже фольк-истори, с использованием всех мыслимых голливудских штампов от Индиана Джонс до альтернативной реальности, что в сочетании с абсолютной уникальностью «технологической» составляющей сделает чтение интересным и увлекательным для самого широкого диапазона читателей. Это роман о ТАЛАНТЛИВЫХ людях, вырванных из привычной среды обитания вихревыми потоками загадочной энергии, именуемой ВРЕМЯ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505088-5

© Шапиро Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Страдательный залог	6
Пролог	6
Беседа. Фрагмент первый	6
Глава 1. Коллекционер	7
Беседа. Фрагмент второй	10
Глава 2. Наблюдатель	12
Беседа. Фрагмент третий	14
Глава 3. Институт	16
Беседа. Фрагмент четвертый	20
Глава 4. Легенда	21
Беседа. Фрагмент пятый	26
Глава 5. Диспозиция	27
Беседа. Фрагмент шестой	32
Глава 6. Ребекка	33
Беседа. Фрагмент седьмой	36
Глава 7. Меридиан	38
Беседа. Фрагмент восьмой	43
Глава 8. Свет	44
Беседа. Фрагмент девятый	47
Глава 9. Кайлас	49
Беседа. Фрагмент десятый	53
Глава 10. Царь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Страдательный залог

Геннадий Шапиро

© Геннадий Шапиро, 2019

ISBN 978-5-0050-5088-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Страдательный залог

Пролог

Когда так много позади
всего, в особенности – горя,
поддержки чьей-нибудь не жди,
сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
и глубже. Это превосходство —
не слишком радостное. Но
уж если чувствовать сиротство,
то лучше в тех местах, чей вид
волнует, нежели язвит.
Иосиф Бродский. С видом на море (отрывок).

А не махнуть ли на море?
Андрей Вознесенский. Оза, глава V (вся).

Беседа. Фрагмент первый

«Господа! Наша высокородность и изощренный состав крови, утонченное воспитание и изысканность манер, наша приверженность философии и благородный блеск глаз – даже это все не спасает нас от ненасытного микроба холопства, проникающего в наши души самыми невероятными путями. Неужто и в наш просвещенный XIX век мы, подобно темным предкам, с тайной ненавистью к собрату своему, стремимся самоутвердиться за его счет? Зависть и злоба и стремление подавлять – неужели это все, чем мы владеем? ... Так где же совершенство, в чем оно? В изяществе нарядов, в умении приподнять цилиндр? ... Пусты наши души и холодны глаза перед лицом чужой жизни.»

– Булат Шалвович Окуджава, «Путешествие дилетантов». Люблю цитаты. Даже не очень уместные. К нам-то это уж конечно не относится: и век у нас на дворе XXI да и мы с вами – мастера, вне всякого сомнения. Так что, приступим, господа.

– Да был у меня приятель, любивший повторять: «Я женюсь на женщине, которая знает, что КАМЮ это не только коньяк, а НАПОЛЕОН – не только полководец»...

Глава 1. Коллекционер

Всех дел – изменить полярность: если концентрироваться не на том, какое впечатление ты производишь на других, а на том, какое впечатление они производят на тебя, в ощущениях будто появляется еще одно измерение – осмысленность. Окружающее перестает быть враждебным или дружелюбным, «хорошим» или «плохим» – оно становится интересным. Вон тот старик – он привык, что люди равнодушно скользят по нему взглядом, забывая о его существовании раньше, чем они о нем узнают, а потому гримаса злого безразличия на лице – это лишь короста, панцирь, позволяющий выжить. Улыбнись ему – это вызовет не радость, а удивление и лишь потом внезапность чувства, осознание способности его испытывать отразятся на лице мягкой благодарностью. Это то «впечатление», которое он тебе оставит – т.е. изменение полярности позволяет формировать управляющее воздействие.

Впечатление, которое на него производила Ребекка, было ПРИЯТНЫМ. Неизменно в просторных льняных одеждах, каким-то странным образом не скрывающих, но обозначающих манящую женственность форм, не обещая, но дразня обещанием совершенства. Несколько нарочито зевнув, Ребекка отложила книгу в сторону.

– Тебе не нравится Камю?

– Предпочитаю «Хеннесси». Хочешь? – Выдержав паузу, она выставила перед собой прозрачный, почти невидимый бокал, будто держа прямо на ладони глоток янтарной жидкости обжигающей, желанной... Ее прямой, в упор, взгляд придавал многослойности смысла произнесенной фразы ощутимую «пикантность». Зародившаяся, видимо, где-то за ухом, капелька прозрачного пота скатилась на грудь, нырнула в «овражек страсти» и дальше, вниз, где ее, полный головокружительных приключений, путь в сумраке платья он мог не столько угадывать, сколько вспоминать. А за окном гостиничного номера, залитый нереальным, почти ощущаемым как горячая твердь, зноем, лишаящим видимое пространство каких бы то ни было полутеней, лежал остров Крит с нереально белыми стенами приземистых построек, нереально глубоким ультрамариновым небом, нереально прозрачным, до зеленой синевы, как глаза Ребекки, морем – СТИХИЯ. А управляющее воздействие заключалось в том, что оказались они здесь не по своей воле...

*Так при судах дуговерхих блестящие медью ахейцы
Окрест тебя собирались, Пелейон, ненасытимый бранью.
Гомер. Илиада. Песнь 20.*

Решив как-то забавы ради построить дихотомическое дерево взаимодействий героев «Илиады», он получил алгоритм построения социальных сетей. Йорам не «любил» сеть, ему не было «интересно» в сети. Подобные словосочетания были к нему неприменимы, как нельзя сказать про рыбу, что ей «интересно» жить в воде. Сеть была его средой обитания. Размышляя о случайных, разрозненных обстоятельствах своей жизни, он все больше проникался странным, иррациональным убеждением, что все они являются частью какого-то пазла, собираемого если и не чуждой, то уж во всяком случае чужой волей, выходящей далеко за рамки его собственной судьбы. Йорам не был «ботаном» в классическом понимании этого слова – крепкий, «жилистый», он в любой компании был тем надежным «background-ом», без которого ни одна человеческая общность существовать не может, а потому никогда не испытывал недостатка в общении, везде находя свою собственную нишу, которая по какому-то «роковому» стечению обстоятельств, как правило, оказывалась рядом с какой-нибудь симпатичной девушкой, сходясь и расставаясь без надрыва и грязи.

Армия в интеллектуально-элитном компьютерном соединении, что в Израиле de-facto приравнивается к первой академической степени, затем небольшой, но успешный «startup», который он открыл на пару со своим армейским приятелем... «Ничто так не отвлекает настоящее, как мысли о будущем» – сказал как-то нынешний Далай Лама. Свое настоящее Йорам, с почти детской непосредственностью, оберегал от каких бы то ни было мыслей вообще, а о будущем в особенности. Уже потом он стал усматривать «фатальную» символичность в том, что БУДУЩЕЕ настигло его именно в резиденции Далай Ламы в Тибете, где он очутился со своим напарником по пути в Ришикеш.

В Индии они оказались вроде как по делу, хотя специфика их занятости позволяла найти «дело» в любой точке Земного Шара, доступной интернету и здравому смыслу. Просто его напарник был влюблен в эту страну, рассказывал о ней азартно и УВЛЕКАТЕЛЬНО, что и увлекло их в Дхармсалу. С первых же часов пребывания в Индии его не покидало, ощущаемое почти как физический дискомфорт, впечатление диссонанса между величием природы и убогостью быта людей, в этом величии обитающих. И никакие разговоры о том, что это их, людей, сознательный выбор, жизненная философия, его не убеждали. Рассматривая странное, похожее на панно коммуниста Диего Риверы, граффити на резиденции Далай Ламы, от коммунистов бежавшего, Йорам вдруг подумал, что в этом диссонансе действительно есть что-то глубоко ментальное. От размышлений его отвлек какой-то шум. Шумом оказался многоголосый повторяемый зов, которым стайка туристов, явно израильтян, пыталась вернуть в свои ряды «отбившуюся» подружку.

– Леа... Леа...

Обладательница звучного библейского имени стояла рядом с ним, с явным удивлением рассматривая ту же стену. Их глаза встретились, но уже в следующий миг она красивой, размашистой, привычно-безразличной к мнению окружающих походкой, шла к своим спутникам.

– Слушай, ты заметил какие у нее глаза?

– Нет. – Соврал Йорам. – А вот ноги у нее действительно красивые.

Двумя днями позже, уже в Ришикеше, он застыл пораженный странным, пугающе-сюрреалистичным видом. Солнце уже зашло, но нижний край неба отливало чистой нежной голубизной, еще не разбавленной сумерками. Над этой полосой, заполняя собой все остальное пространство, нависли грязно-свинцовые облака, а разделяла эти две стихии странная, почему-то лохматая, тетива, натянутая непонятно между чем и чем, примерно в метре над пиком островерхой крыши, на котором сидела, прижимая к животу детеныша, небольшая обезьянка. Ее силуэт был словно вырезан из грязно-свинцовой тверди на нежно-голубом фоне, как некий апокалиптический знак.

– Жуть. – Услышал он рядом с собой чей-то голос и обернувшись сразу узнал его обладательницу.

– Леа?!

– Неужели запомнил?

– Таких как ты не забывают.

– Таких как я нет.

– И я о том же. А пейзаж действительно жутковатый.

Все-таки есть что-то особенное, что пронизывает этот кусочек космоса под названием Ришикеш. Однажды он стал свидетелем такой сцены: по улице шла пара, он и она, на хорошем английском обсуждая какую-то очень «духовно-одухотворенную» тему, к ним подошла явно незнакомая девушка, со следующей тирадой: «Извините, но тема вашей беседы мне очень любопытна. Разрешите присоединиться?», вопросительная часть фразы была явно риторической – дальше они пошли все вместе, будто были знакомы всю жизнь.

Через несколько часов Йорам и Леа обнаружили, что сидят на берегу Ганга, глубокой-глубокой ночью, болтая ни о чем и просто не могут расстаться.

– Слушай! Тебе уже, наверное, пора, но я не хочу, чтобы ты уходила, а если позову к себе, боюсь это прозвучит очень пошло...

– Очень пошло, но я сделаю вид, что меня это не волнует.

Оказавшись в замкнутом пространстве гостиничного номера... Почувствовав на своей щеке ее горячее дыхание... Услышав шорох снимаемой одежды... Протянув руку к ее обнаженной груди... Она увернулась в нескольких мгновениях от прикосновения, вонзив зубы в его плечо... Он обхватил губами мочку ее уха... Горячая, влажная, ненасытная... Жарким пульсирующим восторгом разливалась по всему телу... Вырвался крик, грубый, гортанный, почти нечеловеческий... Боже! Как это было хорошо! Впервые услышав этот крик в душной темноте гостиничного номера на берегу Ганга, он уже не мог представить без него хотя бы день своей жизни ни там, в Ришикеше, ни потом, дома, в Израиле.

Леа была почти на пять лет моложе Йорама и в свои 22 уже успела демобилизоваться из армии и поступить на факультет археологии и древних культур Ближнего Востока Тель-Авивского университета. Они сняли небольшую, но удобную квартиру недалеко от университета. Гремучая смесь «светской» еврейки из Ирака и рыжебородого хасида из Йоханнесбурга в ее крови создавала удивительный симбиоз цивилизаций, «нареченный библейским именем Леа». Она легко, без видимых усилий, но удивительно «уютно» обустроила их быт и «мысли о будущем» все чаще принимали вполне конкретное направление. Как-то встречая ее в университетском кампусе после занятий, он «невзначай» бросил не очень скромный взгляд на одну из ее подруг, с которыми она прощалась прежде, чем подойти к нему. Дорогу домой она заняла обычной, но очень обстоятельной болтовней о том, чем и как они будут сегодня обедать и давешний эпизод в кампусе казалось совсем перешел в разряд забытых, но оказавшись дома, на кухне она в упор посмотрела на него и вдруг сказала: «Еще раз увижу – убью». Голос был спокойным, ровным, ничего не выражающим и только побелевшие костяшки пальцев, сжатых в кулаки над разделочной доской выдавали что действительно происходит в ее душе. Йорам «на автопилоте» уже собирался сделать удивленно-непонимающий вид, но, взглянув на нее, вдруг понял – убьет. А главное, понял, что это серьезно и банально-шутливой пошлостью тут не «откупишься». Он подошел к Лее, прижал к себе ее напряженное как стальная пружина тело и сквозь неожиданно подступивший к горлу комок произнес

– Я люблю тебя. Выходи за меня замуж.

– А не боишься? – Она говорила по-прежнему уткнувшись лицом в его грудь, но плечи уже сотрясали глухие, еле сдерживаемые рыдания.

– Я не понял – это «ДА»?

– Да...

А через несколько дней он праздновал свой 27-й день рождения. День с утра как-то не заладился. Сначала на работе, а потом позвонил хозяин небольшого ресторана в старом Яффо, где они обычно собирались и долго объяснял почему именно сегодня не сможет их принять. Сошлись на том, что он договорится с хозяином другого ресторана («даже ближе к морю»), одним из своих многочисленных родственников, но «только чуть-чуть дороже». Их, человек двенадцать, разместили на открытой террасе, обустроенной на крыше старой каменной постройки, тем не менее даже не лишенной некоторого, присущего только старому Яффо, изящества. Леа сбегала вниз, в очередной раз «кое-что уточнить» в меню и он с нарочито озабоченным видом произнес

– А где моя будущая жена?

Фраза вызвала нестройный, но одобрителный гул с разных концов стола.

– Неужели решился?

– Мужчина!

– Герой!

Йорам поднялся, чтобы произнести первый тост и вот тут ГРЯНУЛ ГРОМ... Уже потом многие из присутствовавших, de-facto, говорили о странном беспокойстве, тревожном предчувствии... Кто-то даже видел молодую арабку, остановленную хозяином у входа в ресторан – шахидку. Йорам ничего такого не помнил: он словно продолжил движение вверх. Картинка праздничного застолья с кусочком моря за парашютом террасы сменилась странным, слабо освещенным коридором со множеством дверей по обе его стороны. Из дверей выбегали встревоженные люди, озабочено склоняясь над ним, почему-то лежащим на полу коридора. Чей-то голос произнес: «Что он тут делает? Ему еще рано...». Коридор исчез и постепенно привыкающие к яркому свету глаза идентифицировали окружающее пространство как больничную палату. Прямо над собой он увидел озабоченное лицо Леи.

– Что такой страшный?

– Не очень. – Она попыталась улыбнуться.

В этот момент он почувствовал на своих губах ее горячие слезы и почему-то подумал, что на вкус они напоминают кровь...

До гостиничного номера на острове Крит оставалось еще долгих два года.

Беседа. Фрагмент второй

– Великий австрийский математик Курт Гедель сформулировал удивительную по своей красоте теорему, приоткрывающую нам некие фундаментальные основы мироздания, однако в академической среде до сих пор воспринимаемую как некий философский казус.

Теорема Геделя о неполноте.

В замкнутой, непротиворечивой системе аксиом всегда можно построить утверждение, которое в данной системе аксиом нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

– При помощи этой теоремы я могу с математической точностью доказать, что «Новый Завет», т.е. учение о Спасителе, есть, ни больше ни меньше, расширение системы аксиом «Ветхого Завета». Первые две из Десяти Заповедей гласят.

– *«Я Господь Бог твой...» (Исход 20:2).*

– *«Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не сотвори себе кумира и никакого изображения...» (Исход 20:3—20:4).*

Другими словами, утверждается следующее: Бог есть и в него нужно верить, более того – верить нужно только в Него. Эти утверждения можно пересказать в терминах теоремы Геделя:

– есть множество объектов, в данном случае – два, человек и Бог;

– есть предикат действия, устанавливающий отношение между объектами – «верить/не верить»

– есть утверждение, регламентирующее предикат действия: «Верить можно только в Бога» – и это аксиома.

Чтобы система не была противоречивой, предикат действия должен быть применим ко всем ее элементам. Возникает вопрос: во что или кого верит Бог? В человека? Но это противоречит регламентирующей аксиоме (не говоря уже о здравом смысле): верить можно только в Бога. В Себя? Но это противоречит определению предиката действия, как устанавливающего отношения МЕЖДУ объектами: нельзя верить в СЕБЯ – система не будет замкнутой. Это означает, что объект веры Бога должен быть Богом, единым с Ним и в тоже время отличным от Него, т. е. Человеком, что и указывает на Евангельского Спасителя, единственно-единого в этих двух ипостасях. А это, в свою очередь, выделяет первые две из Десяти Заповедей, как заключающие в себе качественно иной доказательный потенциал.

– Иудаизм и в особенности древнейшее мистическое учение Каббала, выделяют первые две из Десяти Заповедей следующим образом. Согласно традиции, окончательно сложившейся в школе великого каббалиста рабби Акивы, адепт может достичь Благодатного Просветления лишь соблюдая 613 установлений (мицвот), из которых 365, по числу дней солнечного года – запреты и 248, по числу органов человеческого тела – предписания. Гематрически число 613 раскрывается как гематрия слова Тора (Основной Закон, Пятикнижие Моисея) = 611 + 2 т.е. первые две из Десяти Заповедей.

– А что если речь идет о чем-то большем? Может быть для постижения Основного Закона в его полном объеме, включая мистический, астральный смысл, Великий дал нам еще два органа чувств, инициировать которые можно лишь упорным самосовершенствованием, чего и добивались великие еврейские праведники – мудрецы и каббалисты. Однако, объективно присутствуя в нашем теле, эти органы чувств могут быть инициированы также в результате некоего экстремального воздействия. Сколько известно случаев о людях, переживших страшную катастрофу, удар током, клиническую смерть и возродившихся к жизни с совершенно феноменальными, сверхъестественными способностями?!!!

Глава 2. Наблюдатель

Йорам быстро шел на поправку. Собственно, причиненные ему «телесные озлобления» можно было бы считать незначительными, если бы не контузия и глубокое, хоть и кратковременное, коматозное состояние.

«Встань и иди из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе.» **Бытие (12:1).**

Что-то изменилось. Еще не называемое словами, но уже ОЩУЩАЕМОЕ как СТРАННОЕ.

Сначала – потребность читать. Она ощущалась, как физиологический голод. Он читал все: беллетристику, энциклопедические справочники, научные статьи. Постепенно он осознал, что фокусирует свое внимание на явных или косвенных, иногда даже не осознаваемых авторами, аналогиях, порой между вещами и событиями, совершенно несопоставимыми. Механические колебания маятника описываются той же формулой, что и динамика изменений тока и напряжения в простейшей электрической схеме, т.е., разные явления – одна формула. Разные формулы, стереометрическая $(X^{**2} + Y^{**2} + Z^{**2} + R^{**2} - r^{**2})^{**2} = 4R^{**2} * (X^{**2} + Y^{**2})$ и формула полного склеивания в Булевой алгебре $(aVb) \& (\neg aVb) = (a\&b) V (\neg a\&b)$ описывают один и тот же пространственный образ – тор, «бублик», по мнению многих ученых, являющийся первичной энергетической моделью всего живого. В одной из статей он натолкнулся на утверждение, подкрепленное не только многочисленными свидетельствами очевидцев, но и показаниями приборов, что в экстремальных ситуациях некоторым людям удается замедлять время. Но разве не об этом повествует один из самых одиозных эпизодов Библии, используемый атеистами всех мастей, как очевидное доказательство ее объективной несостоятельности?

«И воспел Йеошуа перед Господом в тот день, в который предал Господь эморей сынам Израйля, и сказал пред глазами Израйля: солнце, у Гивона стой, и луна – у долины Аялон! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе мстил народ врагам своим... И остановилось солнце среди неба, и не спешило к заходу...»

Иисус Навин (10:12—10:13).

В другой статье он обнаружил описание серии загадочных экспериментов, в ходе которых величайший изобретатель XX века, Никола Тесла, подвергал свое тело воздействию электромагнитных излучений различной частоты и интенсивности. Помимо многочисленных изобретений, среди которых радио и современный трехфазный генератор переменного тока, Тесла считается автором теории «чистой энергии», т.е. энергии, получаемой из «ничего», из энергетического поля вселенной. Однако чертежи реализующего эту идею устройства, якобы сконструированного Теслой, считаются безвозвратно утерянными, либо уничтоженными автором, считавшим людей «не доросшими» до этого изобретения. А что если результатом его экспериментов стала инициация некоего органа, изначально данного нам природой и способного «улавливать» эту самую «чистую энергию», но у большинства людей находящегося в «спящем», пассивном состоянии? Т.е. речь идет не об УСТРОЙСТВЕ (потому его чертежи и не были найдены), а о СПОСОБНОСТИ! Древнеиндийский эпос Махабхарата, описывает некие загадочные летающие аппараты, виманы, не только управляемые, но и приводимые в действие «энергией мысли». Читая биографию великого Гете, Йорам поразился его отношению к собственному таланту, как СПОСОБНОСТИ УЛАВЛИВАТЬ некие импульсы вселенной, точно также проявляющиеся в «физических» законах мироздания. И разве не о том же говорит Тесла в одной из своих дневниковых записей: «Мой мозг только приемное устройство. В кос-

мическом пространстве существует некое ядро откуда мы черпаем знания, силы, вдохновение. Я не проник в тайны этого ядра, но знаю, что оно существует»?!

Внезапно он стал замечать, что оказывается рядом с телефоном прежде, чем тот зазвонит, абсолютно точно ЗНАЯ, чей голос услышит в трубке, также как абсолютно точно знает, кто войдет в еще не открывшуюся дверь, даже на работе, когда речь идет о совершенно незнакомых людях. Он чувствовал, что прикоснулся к чему-то несоизмеримо большему, чем обычная логика повседневности. Каким-то странным видением он ОЩУЩАЛ мерцающую глубину СУМРАКА, наполненную завораживающим калейдоскопом образов, таинственных и грозных, манящих и пугающих, одновременно. Он видел людей, ведомых сосредоточенной заботой ожидания чуда. Явно нездешний загар покрывал их явно нездешним ветром обветренные лица. Одетых как античные герои участников веселого хмельного торжества, будто застывших, как на полотнах Брейгеля старшего, в глыбе остановившегося ВРЕМЕНИ. Заснеженную филигранность, подобной пирамиде, горной вершины. Темнокожего, похожего на египтянина, человека, сосредоточенно, не мигая, глядящего на странную капсулу в центре гигантской медной спирали. Двух женщин в белоснежных льняных хитонах, будто две свечи, залитые солнцем, стоящих на вершине парадной лестницы древнеримского дворца. Странника в ветхих лохмотьях, возникающего из красного, дрожащего в раскаленном мареве пустыни, закатного солнца, словно обугленный осколок великой империи.

Поглощаемая им в каких-то запредельных количествах, эзотерическая литература быстро вызвала разочарование: в какой-то момент он понял, что, в большинстве своем, ее пишут люди, никогда не испытывавшие ничего подобного, но лишь пытающиеся угадать коммерческую составляющую потребительского спроса.

Как-то, когда он «подобрал» Лею после занятий, они решили съездить на «Станцию» – заброшенную железнодорожную станцию в одном из пригородов Тель-Авива, перестроенную в прогулочную зону, со множеством ресторанов, ресторанчиков и даже небольших, «эксклюзивных» театров, «интеллектуально-авангардных», нарочито-«балаганных» ... Стилизовано это все было под то, чем в сущности и являлось – старую железнодорожную станцию.

– Ну и? ... – Леа с деланным равнодушием смотрела на живописный поток гуляющих, не столько одетых, сколько «декорированных» яркими пятнами легких тканей, создающими ту праздничную визуальную целостность, что так характерна для летнего вечера в приморском городе.

– Умная ты.

– Приходится. Ты изменился.

– Наверное. Знаешь, меня самого это иногда пугает. В общем, мне предложили работу, т.е. настоящее дело – системный аналитик. В Негеве.

– «Силиконовая долина»?

– Да. Флагманский институт – «институт судьбы».

– А как же твой startup?

– Баловство.

– Это «баловство» нас кормит. Если не забыл, мы собирались пожениться, или это уже не актуально?

– Я не знаю. Т.е. я по-прежнему тебя люблю, но то, что мне предлагают... В общем, я не знаю, как это объяснить – я физически не могу отказаться.

Он хотел, но действительно не знал как, а может быть, просто боялся объяснить, рассказать ей о той подавляющей своей новизной и какой-то «космической» глобальностью массе чувств и образов, что так непрошено ворвались в его жизнь. А среди них, странный, по-настоящему пугающий своей иррациональностью, некий «бинарный счетчик» – «хорошо/плохо», «правильно/неправильно», «щелканье» которого, в последнее время, стало сопровождать каждый его поступок. Это не имело никакого отношения к его эмоциональному восприятию окру-

жающего – «нравится/не нравится», а что-то «объективно-ощушаемое» и осознание нелепости этой «конструкции», что, наверное, сродни определению «холодно-жаркое», не помогало ему найти другое. В этот момент он увидел устремленные на него испуганные глаза Леи.

– Что?

«Я ЭТО слышала?!!!!» – внезапно он осознал, что ответ не был им УСЛЫШАН, а ПРОЗВУЧАЛ где-то в недрах его сознания. «Так, спокойно...» – уже имея некоторый опыт общения со своими новыми ощущениями, Йорам попытался, задержав дыхание, успокоить неконтролируемую волну страха, всегда сопровождающую первые соприкосновения с ЭТИМ. Воздействие оказалось обоюдным и постепенно страх ушел из расширенных зрачков Леи.

– Ну вот, теперь ты знаешь...

– Когда это началось?

– Практически сразу, как только я очнулся после взрыва.

– И ты молчал?!

– Риторический вопрос. Как такое расскажешь?

– Да, наверное, ты прав. А знаешь, в последнее время я много думала о чем-то похожем. Может быть, это было твое внушение? Хотя, какая теперь разница?! Так вот, по поводу «холодно-жаркого»: «хорошо/плохо», «правильно/неправильно» – понятия, конечно относительные. «Хорошо» может быть только кому-то, «правильно» – для кого-то, но ведь говорим же мы: «ощущение правоты» – интуитивно имея ввиду некий абсолют. «Категорический императив» Канта? Бога? Кто знает... А главное, кто скажет, как мне теперь с этим жить? Одной?!!!

– Я вернусь. Т.е. я, конечно, не имею морального права ограничивать твою свободу, но я бы хотел знать, что смогу вернуться.

– Так ты бы хотел вернуться или хотел бы знать? А главное, как благородно с твоей стороны «не ограничивать мою свободу»! Скажи, этот сволочизм у вас, мужиков, в крови или достигается путем длительных и упорных тренировок?! Совесть хочешь успокоить, бойскаут? Не выйдет! А теперь отвези меня домой.

Всю дорогу они молчали, а потом так же молча, с каким-то почти «остервенением», словно прижатые друг к другу, если не чуждой, то уж во всяком случае, некоей чужой силой, «заялись любовью». А потом она заплакала. Но это было уже совсем «потом», под утро, когда дверь за ним закрылась...

Он знал, что они еще увидятся: «Ури, это Йорам. Я тебе о нем рассказывала. Йорам, это Ури, мой муж...». А еще он ЗНАЛ, что это ПРАВИЛЬНО.

Беседа. Фрагмент третий

– В январе-феврале 1921 г. в Петрограде проходил цикл литературных чтений, посвященных памяти Пушкина. В них принимал участие Александр Блок. Открывая цикл, некий чиновник хотел, видимо, успокоить творческую интеллигенцию, но запутался в отрицаниях и произнес, примерно, следующее: «Пусть не думают писатели, что они не встретят сопротивления со стороны новой власти в осуществлении своих начинаний». Блок, уже тогда понявший пророческую справедливость этих слов, выступил с ответной речью, сразу ставшей знаменитой и часто цитируемой: «Чиновники – суть наша чернь. Чернь вчерашнего и сегодняшнего дня. Пускай же поостерегутся от худшей клички те чиновники, которые намереваются направлять развитие литературы по каким-то своим руслам... мешая ей вершить ее тайное предназначение»

– Так в чем же «тайна предназначения» и что делаем здесь мы?

– Ну, если «весь мир – театр, а люди в нем актеры», в чем Шекспир (или тот, кто скрывался за этим псевдонимом) является и по сей день, безусловно, безоговорочным авторитетом, то мы – зрители, ибо театр без зрителей невозможен. Это целостность, ЭКЗИСТЕНЦИЯ,

разрушаемая отсутствием любой из ее составляющих. Мы – четвертая стена, зрители, вершащие тайное предназначение этой Великой Целостности, ибо это в угоду нам лицедействуют «актеры»! А тайна заключается в том, что это в угоду им, актерам, мы плачем и смеемся, и аплодируем, если не совершенству реализации, то уж конечно – Величию Замысла!

Глава 3. Институт

Гигантское строительство нового научного центра в пустыне Негев многие (и не только в Израиле), следуя устоявшейся интеллектуальной инерции, именовали новой «Силиконовой долиной». Аналогия, надо признать, довольно поверхностная, т.к. речь идет не о разработке новых, «синтетических» материалов, а о создании новых виртуальных и в особенности – сетевых технологий. Эти технологии, с довольно большой степенью достоверности, можно было бы разбить на две большие категории: «поисковики», что после революционных инноваций Google стало довольно тривиальным занятием и ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ. Принципиальное отличие одних от других заключается в том, что экспертные системы позволяют находить не информацию, а РЕШЕНИЯ. Т.е. не изобретать, создавать, открывать, «выдумывать», а ВЫЧИСЛЯТЬ ответ на поставленный вопрос. Революционное отличие нового метода от уже существующих в этом направлении заключается в том, что он базируется не на вероятностных Байесовских цепочках, а на лингво-гематрическом анализе вопроса или постановки проблемы. Идея лингво-гематрической симметрии «вопроса» и «ответа», сформулированная двумя великими программистами, возглавившими проект («отцами-основателями»), оказалась настолько продуктивной, что ее «электорального» и коммерческого потенциала хватило на создание гигантского (без преувеличения) научного центра. Вскоре, однако, обнаружилось, что, основанные на этой идее, новые сетевые продукты могут быть использованы не только для получения новых решений, но и для ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ. Т.е. фактически речь шла о новом, принципиально ином виде ОРУЖИЯ, оружия неизведанного, а потому катастрофически непредсказуемого. Именно для отслеживания и предотвращения таких угроз и была создана лаборатория, в которой начал работать Йорам. Возглавлял лабораторию талантливый «хакер», настоящий профессионал Вадим, с которым у Йорама очень быстро установились не столько «субординационно-деловые», сколько дружеские отношения. Здесь же, в качестве «консультанта», работала и жена Вадима, Кьяра. Несмотря на молодость, Кьяра была опытным и очень сильным экстрасенсом. Это открытие, практически сразу, сделанное Йорамом на «невербальном» уровне, поначалу вызвало настоящую панику, вплоть до желания уйти. Чем она была обусловлена? Наверное, самым честным ответом был страх разоблачения...

– Видишь ли, облако понятий, обозначаемых словом «экстрасенсорика» очень размыто. – Голос Вадима звучал ровно, почти бесстрастно, что означало высшую степень «задумчивости», в которую обычно погружала его атмосфера этого «висячего» садика, разбитого на седьмом уровне, между башнями института. – Практически, сюда можно отнести любое проявление ТАЛАНТА. Талант, это флуктуация закона неубывания энтропии, т.е. чудо, через которое Создатель привносит в наш мир новые ценности (в том числе и материальные), что и составляет суть явления, именуемого прогрессом. Отсюда, кстати, вытекает основное «аппликативное» свойство таланта: он увеличивает массу обращаемых в «толпе» денег.

– Мне нравится, когда ты рассуждаешь об «экстрасенсорике». Это как слепо-глухо-немой пытается выразить свое отношение к цветомузыке Скрябина. – Кьяра «вкусно» потянулась в плетеном кресле.

– Но ведь я талантлив!

– Ты почти гениален, но он, – Кьяра посмотрела на Йорама – он «зрячий».

– Отсюда поподробней, пожалуйста...

– Да брось, Вадик. У тебя не очень хорошо получается врать, да еще между двух экстрасенсов – я сказала тебе об ЭТОМ почти сразу, как он переступил порог лаборатории.

– Ребят, ничего, что перебиваю? Я вообще-то здесь, не только «зрячий», но и живой, а потому мне не очень нравится, когда обо мне говорят в третьем лице. А вот насчет «массы обращаемых в толпе денег», это интересно.

На самом деле, Йорам был благодарен Кьяре за то, что она наконец озвучила этот его «пунктик», который уже несколько месяцев «висел» между ними.

– Не очень. – Снова заговорил Вадим. – Тему, фактически, исчерпал Адам Смит своей знаменитой формулой деньги + труд = дельта деньги. Он только забыл снабдить свое открытие «маленьким» уточнением: эту самую пресловутую «дельту» создает только труд талантливый. Впрочем, для него, гениального экономиста, это, видимо, было очевидным, чего не скажешь о его антипode, Марксе. Отрицание таланта привело Маркса к вульгарной, «механической» экстраполяции формулы на ЛЮБОЙ труд. Результат – огромные массы людей на протяжении весьма длительного времени много и тяжело работали, не создавая ничего, «full gas in neutral».

– Другими словами, ты хочешь сказать, что отрицание таланта эквивалентно отрицанию Бога. И если Он, Всеблагий, источник всякого (духовного и материального) блага, то Его отрицание, соответственно, ведет к дефициту «благ» материальных и убогости духовной жизни?

– Это не я хочу сказать. Это доказывает опыт функционирования практически всех «марксистско-подобных» режимов. Кстати, не случайно все они атеистичны.

– Т.е. деньги, по-твоему, это универсальный функционал, измеряющий даже величину таланта?

– Не величину таланта, а степень его востребованности! И вот тут мы подошли к самому интересному, что имеет непосредственное отношение к деятельности нашей лаборатории – ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ЗЛА. Созданный поколениями талантливых людей, технический прогресс породил парадокс отрицания таланта, может быть, правда, не такой «категоричный», как у марксистов. Технический прогресс привел к насыщению спроса, т.е. деньги стали воспроизводить себя сами. Люди перестали ЗАРАБАТЫВАТЬ деньги, что невозможно без участия таланта. Они стали их ПОЛУЧАТЬ. Социальным идеалом стало не ПРОЦВЕТАНИЕ (оно уже достигнуто, во всяком случае – в «развитых» странах), а СТАБИЛЬНОСТЬ, причем, стабильность, основанная на принципе всеобщего, равенства, таким образом, талант (синоним – НЕРАВНЫЙ) из эффективного средства достижения цели превратился в «возмущающий» стабильность фактор. Понятно, что стабильность подобного рода это стабильность кладбища, ибо только там все по-настоящему равны. Но «кладбище» – это то, к чему приводит отрицание Бога (синоним – ГЛОБАЛЬНОЕ ЗЛО), явное, как у марксистов, или неявное, основанное «только» на отрицании таланта, как в случае современных западных демократий.

– Как и подобает системному аналитику, попробую «формализовать» услышанное. Всемогущество Творца проявилось в создании динамической структуры – материального мира – отличной от Него, от Создателя. Но если попытаться Акт Творения пересказать в терминах системного анализа, получится, что созданию любой динамической структуры предшествует этап накопления сырьевого или энергетического потенциала. Таким потенциалом, ОТЛИЧНЫМ от Создателя, т. е. Абсолютного Добра, могло быть только Абсолютное Зло, ибо тогда, до Начала Времен, критериев, позволяющих определить эту субстанцию как нечто иное, не было. А значит утверждение гностиков, о том, что материальный мир функционирует по законам Абсолютного Зла не так уж далеко от истины?

– Именно! Собственно, в этом главная ошибка конспиративных теорий «глобального заговора». Они ПЕРСОНИФИЦИРУЮТ зло, т.е. приписывают злой умысел конкретным, пусть даже и очень могущественным, но людям. То, с чем мы уже столкнулись и с чем, я уверен, нам еще не раз предстоит столкнуться в будущем, это ЗЛО, проявляемое независимо, а иногда и вопреки воле людей.

– Ну чтобы уж совсем «подвести черту» – источником всех бед или ГЛОБАЛЬНЫМ ЗЛОМ, если я правильно поняла, являются НЕЗАРАБОТАННЫЕ ДЕНЬГИ! Так что предлагаю, господа, вернуться в лабораторию и начать их зарабатывать...

Этот разговор Йорам запомнил надолго, а первые симптомы новой угрозы проявились через несколько дней.

Внизу простиралась холмистая долина, залитая весенним буйством красок с подавляющим преобладанием сочно-зеленого. Он опустился на доминирующий над долиной холм, все еще переживая непередаваемый восторг естественного полета. Холм под ним ожил, будто стал стремительно расти вверх. Детали пейзажа становились все более мелкими, пока между холмом и долиной не образовался глубокий глинистый овраг. Восторг полета сменился некоторой тревогой. На горизонте возникли очертания какого-то города. Ощущение тревоги усиливалось тем, что он вдруг оказался как бы одновременно и внутри него, блуждая по лабиринтам улиц, видя пористую структуру камней кладки стен и снаружи, НАД, воспринимая включающий город объем, как единое целое. Внезапно он осознал причину своих страхов – он не знал, как вернуться. Смутное предчувствие беды уже готово было воплотиться в тягостное ощущение неизбежности, из которого его вырвала некая сила, реально ощутимая даже когда он открыл глаза. Уже проснувшись, он успел почувствовать, как распрямляется фактура ортопедического матраса, будто его только что на этот матрас бросили с неопределенно большой высоты. «Бред какой-то» – подумал Йорам, начиная свой обычный утренний «ритуал», но глянув в зеркало, вдруг вспомнил недавно подслушанную в болтовне двух лаборанток на работе, фразу: «... вчера утром по зеркалу такой ужас передавали!».

«Зайди к Вадиму! Срочно!» – УСЛЫШАЛ он, едва переступив порог лаборатории. «Что-то, видимо, действительно случилось, – подумал Йорам, с тяжелым предчувствием, почему-то вспомнив давешний сон – обычно она прибегает к более традиционным методам общения».

– «Здравствуй, Йорам! – Начал он, заходя в кабинет „начальника“. – Как ты себя чувствуешь? Вот твоя чашечка горячего утреннего кофе. Сливков не многовато?» – Ребята, я тоже рад вас видеть.

– Он тоже видел... – Произнесла Кьяра, не обращая внимания на его треп.

– И что это значит? – Лицо Йорама стало серьезным.

– А вот твой горячий утренний кофе. – Кьяра действительно пододвинула к нему чашку сносного, из автомата, кофе. – Сливков нет.

– Это значит, что у нас новое «дело». – Заговорил, наконец, Вадим. – Но сначала я должен кое-что объяснить. Преимущество нашего подхода, как ты, видимо, успел заметить, заключается в том, что мы расширили доказательную базу разрабатываемых нами версий, включив в нее события и факты, которые принято называть сверхъестественными. Это потребовало уточнения некоторых фундаментальных понятий и в первую очередь – понятия ВРЕМЕНИ. Но об этом Кьяра расскажет лучше.

– Мы измеряем время циклически повторяющимися событиями: механическими колебаниями маятника или электромагнитными – тока и напряжения в электрическом колебательном контуре. Но понимаем мы ВРЕМЯ, как всю совокупность событий в окружающем нас пространстве. Событий больших и малых, ну, например, падение карандаша на пол. Но карандаш может упасть на пол в Москве, Эйлате, Сингапуре, Токио... Поэтому мы разделяем ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Многие философские учения сравнивают время с рекой, но река существует СРАЗУ на всем своем протяжении, от истоков до устья. Т.е. прошлое, настоящее и будущее существуют ОДНОВРЕМЕННО. Это означает, что у событий прошлого есть свои проекции в настоящем и будущем. Важно заметить, что речь идет не о «философско-туманной» спиральной цикличности общих тенденций, а о реальной повторяемости событий и фактов, на чем настаивал, например, великий австрийский математик Курт Гедель. Кто знает, может быть Хиросима это проекция древней катастрофы в Махенджо-Даро, ведь падать могут

не только карандаши? А теперь немножко геометрии. Ты выбрал на плоскости точку. Сколько окружностей можно через нее провести? Не сомневаюсь в твоей эрудиции – много: любая точка на плоскости может стать центром такой окружности. Ты добавил еще одну точку, теперь центры проходящих через них окружностей это уже не плоскость, а прямая. Добавление еще одной точки превращает прямую в точку: существует лишь одна точка, являющаяся центром окружности, проходящей через три заданных. Но плоскость двумерна. В трехмерном пространстве таких «регламентирующих» точек должно быть четыре. Мы живем в четырехмерном пространстве-времени, а это значит, что «регламентирующих» точек пять, пентаграмма. Т.е. для того чтобы вычислить характер и пространственно-временные координаты надвигающейся угрозы, нам нужно найти пять сопутствующих достоверных событий в прошлом и определить их проекции в настоящем и будущем.

– А откуда известно, что надвигается угроза?

– Умница! – Голос Кьяры зазвучал с грустной иронией. – Как уже сказал Вадим, в нашу «доказательную базу» включаются события сверхъестественные. Ну, например, совпадение снов, виденных в одно и то же время разными людьми, например, тобой и мной. Эти сны и их совпадение не случайны. А начнем, как всегда, с сети. Надо просканировать спутниковые снимки всех известных археологических раскопок.

– А НЕизвестных? – Зачем-то спросил Йорам.

– Думаю, ты хотел спросить, на предмет чего сканируем? – Пришел ему на помощь Вадим.

– На предмет совпадения с фотороботом наших сновидений.

– А у нас уже есть «фоторобот»?

– Я уже пригласила художника...

* * *

Когда они оказались под брезентовым навесом «административного» шатра, им навстречу поднялся атлетического сложения человек с короткой, почти под ноль, стрижкой. В том, как он двигался, в манере говорить и даже в том, как он прикуривал сигарету ощущались навыки «бывалого» спецназовца.

– Так вы и есть та самая комиссия?

– Все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в «та самая».

– Та самая, о которой меня предупредили из министерства обороны.

– Разочарованы? – Вадим в упор посмотрел на собеседника.

– Я, если успели заметить, не барышня. «Очарования-разочарования» это не по моей части. Удивлен – да.

– А какие у вас отношения с министерством обороны?

– Никаких.

– И давно?

– Я археолог. Руководжу здешними раскопками. Чем могу быть полезен?

– Шалом. – Прозвучал под навесом молодой женский голос.

Ни просторная полевая форма, ни «макияж», замешанный на степном загаре с пылью, не могли скрыть ее яркой харизматичной красоты. Йораму вспомнилась прочитанная где-то фраза: «Когда мужчина берет в руки оружие, у него появляется талия», «а когда рядом появляется такая женщина, он вспоминает, зачем это ему нужно» – подумал он про себя. Он даже не сразу ее узнал.

– Да вы, я вижу, уже познакомились. Ури, это Йорам. Я тебе о нем рассказывала. Йорам, это Ури, мой муж. – Леа спокойно, может быть чуть насмешливо, проследила за выражением лица Йорама. – А теперь попытаюсь рассказать о наших находках. Думаю, я знаю зачем вы здесь.

Беседа. Фрагмент четвертый

Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто в кажущихся отрицательными мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычайное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта?

Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погружаться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите молодого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома – умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать.

Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит Вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды – не отвлеченность, но сама реальность. Поистине, мечты – не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Поэтому всячески поощрим в молодежи нашей стремление к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Н. К. Рерих «Держава света» (1931).

Глава 4. Легенда

– «Легенда гласит...» эти слова в академической среде уже давно воспринимаются как синоним дилетантизма и недобросовестности, а прецедент Шлимана, раскопавшего легендарную Троию, основываясь исключительно на гомеровской Илиаде, откровенно считается досадным недоразумением, «исключением, лишь подтверждающим общее правило». – Леа уверенно шла по лабиринту раскопов, упиравшемуся в черный провал подземелья. – И горе «смертному», возжелавшему (не иначе, как от гордыни немерянной) усомниться в справедливости этого самого «общего правила»: финансирование, гранты, публикации – все это становится ему недоступным. Да, академическая наука не может быть коммерческой по определению, но ее феодальная закрытость привела к тому, что всеми этими ресурсами распоряжаются люди, в лексиконе которых начисто отсутствуют такие понятия, как «профессионализм» или «историческая правда», а зачастую и просто «совесть». Результат – на сегодняшний день «академическим каноном» является самая нелепая и фантастичная из возможных версий, будто все известные нам мегалиты и идеальные по своей симметрии статуи из прочнейших горных пород, о которые ломаются современные инструменты, созданы безграмотными рабами, вооруженными молотками, медными (сиречь, мягкими) зубилами и деревянными катками. Вот уж когда действительно всерьез задумаешься о теории «глобального заговора», если бы не понимание, что на самом деле все гораздо хуже – фактически они озвучивают собственную веру во всепобеждающую силу бездарности и невежества.

Шедшие рядом Йорам и Вадим невольно переглянулись.

– Что? Что-то не так? – Леа с вызовом переводила взгляд с одного на другого.

– Да нет. Просто ты только что «озвучила» одну из «тронных речей» Вадима. – Улыбнулся Йорам. – С ним это иногда случается.

– Ну что ж, идеи носятся в воздухе.

– Наверное поэтому им так тяжело дышать. Куда смотрит правительство? Миллиарды выбрасывать на экологию, когда решение такое простое: умных сильно много – надо чтоб меньше было.

– Знаешь, думаю тебя это «сокращение» уже не коснется. – Леа с укором взглянула на Йорама.

– Извини. Меня иногда заносит.

– Я знаю...

К этому моменту, по пологим земляным ступеням они спустились в небольшое подземное помещение с куполообразным сводом, видимо тайную крипту, устроенную в фундаменте какой-то грандиозной постройки.

– А нашли мы вот это.

Леа и Ури сняли тяжелый брезентовый чехол, скрывавший грубо отесанный полуметровой высоты каменный постамент в центре крипты, увенчанный идеально сохранившейся пирамидой из базальтового монолита с неестественно гладкими, даже наощупь, отполированными гранями.

– Почему Хастинапур? – Вдруг спросила, хранившая все это время молчание, Кьяра, пристально глядя в глаза Леи, будто увидела ее впервые.

– Хороший вопрос. – Леа отвела взгляд в сторону Йорама. – А у тебя образованные, интеллигентные друзья. Или коллеги. То, что эта пирамида является точным подобием пирамид Гизы, само по себе, неудивительно. Таким подобием будет любая пирамида с квадратом в основании и гранями в виде правильных, равносторонних треугольников, т.е. простейшая стереометрическая фигура. Многоумные рассуждения по поводу «зашифрованных» в ней пропорций, соотносящихся с числом π и золотым сечением (числом φ), во многом спекулятивны:

эти пропорции соблюдаются автоматически, т.е. обусловлены геометрией объекта. Аналоги этих пропорций в геометрии Земного Шара, так же могут говорить не об уровне знаний древних строителей, а о «рукотворности» Вселенной и в частности, нашей Земли, являющихся не хаотичным соединением случайных элементов, но созданных Высшей Разумной Волей. Вряд ли кому-то придет в голову утверждать, что эта пирамида является случайным сочетанием молекул, именно так соединившихся в броуновском движении. По-настоящему странно то, что нашли мы ее именно здесь, в Индии, в Хастинапуре т. е. в ареале обитания совершенно иной цивилизации, может быть, более древней, чем египетская – этот «культурный слой», по самым грубым оценкам, соответствует IV тысячелетию до н. э. Вторая странность: высота пирамиды. Она составляет РОВНО один метр, как будто древние строители пользовались нашей метрической системой. Метрическая система это ведь не закон природы, а общепринятый результат соглашения. Общепринятый ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС, т.е. совпадение с метрической системой шести тысячелетней давности просто невероятно. Здесь же мы нашли свитки из воловьих шкур, обработанных так искусно, что они сохранились до наших дней, а запечатленные на них письма, по начертанию большинства символов совпадают с письменными артефактами Мохенджо Даро и острова Пасхи. Кстати – так и не расшифрованными.

Украдкой взглянув на Ури, Йорам обнаружил на его лице, обращенном к Лее и явно не привыкшем к подобным проявлениям, искреннее, почти детское восхищение. Это наблюдение было неожиданно приятным и то, что оно не вызвало зависти и уж тем более ревности окончательно успокоило Йораму, втайне испытывавшего некоторую тревогу с первого момента появления Леи под брезентовыми сводами административной палатки – это было ПРАВИЛЬНО.

– Где свитки? – Почти грубо спросила Кьяра.

– Да вон. – Леа указала в сторону наспех сколоченных стеллажей вдоль одной из стен. – Не успели вынести... Да, честно говоря, просто боялись, как они поведут себя снаружи.

Подойдя к стеллажам, Кьяра взяла один из свитков и затем просунула его под пирамиду, быстро разворачивая по мере продвижения в узкий зазор между основанием пирамиды и постаментом.

– Что ты делаешь? – Воскликнула совершенно не ожидавшая этого Леа, бросаясь к Кьяре.

Но было уже поздно. Над пирамидой возникло мягкое голубоватое сияние, наполнившееся ОЩУЩЕНИЕМ ПРОСТОРА. Широкий проспект большого города был залит «декадентским» теплом золотой осени. Перспективу левой стороны видения заполняли сюрреалистические очертания каких-то строений, словно составленных из блоков тонированного стекла. Постепенно в людском потоке, заполнявшем проспект, выделился силуэт женщины. Строгий, но в то же время элегантный деловой костюм мягко облегал ее по-юношески стройную фигуру, одновременно подчеркивая зрелую женственность форм. Ей вслед оборачивались. Почти невольно. Сворачивая в какой-то переулок, она на мгновение повернула к ним красивое загорелое лицо с «филигранной работы» гармоничными чертами. Видение исчезло.

– Что это было?

– Первый 3-D телевизор. – После некоторой паузы прозвучал голос Кьяры. – Последний раз, как я понимаю, им пользовались примерно шесть тысяч лет назад, так что не удивительно, что он так хорошо сохранился.

– Ценю твоё остроумие, – голос Вадима зазвучал с нескрываемым раздражением – но я «не в теме». Повторить вопрос?

– Вы – Кьяра повернулась к Лее и Ури – раскопали дворец Куравов, который, как и было сказано в величайшем эпосе Махабхарата, находится в Хастинапуре. Ну а ЭТО – кивнула она в сторону пирамиды – мистический ДАР БОГОВ через который Дхритараштра, слепой от рождения патриарх рода, НАБЛЮДАЛ восемнадцатидневную битву своих сыновей и своих племянников, т. е. Куравов и Пандавов, на Курукшетре. Тут рядышком... Но то, что видели мы,

явно относится к другому месту, а возможно, судя по архитектурным изыскам, НЕ НАШЕМУ времени.

Когда они выбрались наружу было уже темно. Работавшие на раскопках индусы ушли в лагерь, метрах в ста пятидесяти от границы археологической зоны. Ури сноровисто развел костер, приспособив над ним большой медный чайник.

– Как же вы, все-таки, оказались в Хастинапуре? – Спросил Йорам, подсаживаясь к костру рядом с Леей. – Как вам это удалось?

– Это все он. – Леа кивнула в сторону Ури. – Когда он появился у нас на кафедре, все наши «девушки» вокруг него чуть не хороводы водили, а он будто не замечал. Мне стало интересно, нашла в сети пару его статей – стало интересно еще больше. Послала e-mail с изложением некоторых довольно «завиральных» идей и вдруг получаю ответ, мол буду рад, если Вы согласитесь со мной пообедать тогда-то и там-то. Я пришла. Обед начался с того, что он объявил мои идеи бредом, но бредом, над которым стоит подумать, потому что, каким-то странным образом, он не противоречит известным фактам. А потом предложил выйти за него замуж. Я сказала, что это бред, но бред над которым «стоит подумать». Минут через пять он заявил, что время на раздумья вышло, а поскольку молчание знак согласия, то мол, когда в раввинат пойдем? Я, почему-то, сказала: «Завтра», а потом спросила: «Когда в Хастинапур поедем?». Он ответил, что займется этим сразу после раввината. Я не поверила, но замуж вышла. Оказалось – напрасно. В смысле – напрасно не поверила: он большой и сильный, я с ним счастлива и уж не знаю какие он там задействовал связи, но мы получили финансирование, а вслед за ним и разрешение на раскопки. Как ты узнала, что «применить» свиток нужно именно так?! – Она вдруг резко повернулась к Кьяре, словно облакая в слова нечто тревожащее, не дающее покоя.

– Не знаю... – Кьяра неопределенно пожала плечами. – В трудах арабского просветителя Аль-Масуди есть такое описание строительства пирамид: под огромные каменные монолиты подкладывали листы папируса с начертанными на них тайными письменами, затем рабочий ударял по глыбе бамбуковой тростью и глыба перемещалась по воздуху на расстояние полета стрелы, т.е. 70—80 метров. Но Аль-Масуди жил в X-м веке нашей эры, а значит непосредственным свидетелем «стройки века» быть не мог, потому к этой части его замечательных трудов относятся как к проявлению «яркой фантазии автора». Помню, я когда прочитала это, еще подумала, как бы отреагировали археологи далекого грядущего раскопай они наши штрих-коды, да еще не линейные, а плоские. Возможно эта совокупность знаков является не письменностью (потому ее и невозможно расшифровать), а неким парольным «штрих-кодом», иницирующим процессы, механизм которых нам неизвестен, а потому именуемых нами «мистическими». Вообще, думаю, письменность в те времена существовала не столько для того чтобы запомнить, сколько для того чтобы «забыть». Если мы предполагаем существование, назовем ее так, ЦИВИЛИЗАЦИИ БОГОВ, владеющих, в числе прочего, и телепатией, то записать на «внешнем носителе» и забыть, значит сделать эту информацию недоступной для других. Это как сегодня людям рекомендуют не хранить списки паролей на компьютере, а записывать их «ручками» на бумаге и хранить подальше от «чужих глаз» (и желательно, от компьютера). Но списки паролей не являются «письменностью», т.е. несут в себе информацию совершенно иного рода. К той же категории «штрих-кодов», но уже акустических, относятся и мантры. А теперь твоя очередь – какие такие «завиральные» идеи привели вас именно сюда?

– Мой отец (светлая ему память), всю жизнь посвятил изучению Торы, Талмуда и Каббалы, но в тоже время был глубоко и разносторонне образованным человеком. Отчасти из любопытства, а отчасти просто чтобы подразнить его, я часто заводила разговоры о том, что наши Святые Книги больше смахивают не на источник Абсолютной Мудрости, а на собрание абсолютно сказочных сюжетов. Однажды, когда я уже была в состоянии понять смысл его слов, он спросил: «А что мешает тебе поверить в сказку?». «Ну, хотя бы то – ответила я – что сказки

есть у всех народов, но только наши претендуют на монопольное владение Истиной. Мифы древней Греции – очень увлекательное чтение, но для тебя они – языческая ересь». «Да, языческая ересь, но кто тебе сказал, что я им не верю?». В ответ на мое негодующее удивление он, на правах «гипотетической», изложил теорию, во многом предопределившую то, чем я сейчас занимаюсь. Шестая глава книги «Бытие» начинается стихами, очень плохо поддающимися интерпретации в рамках ортодоксальной концепции монотеизма.

«И было, когда люди начали умножаться на земле, и дочери родились у них. И увидели сыны великих дочерей человеческих, что красивы они, и брали себе жен, каких выбирали.» (Бытие 6:1—6:2) «Исполины были на земле в то время, и после того, как сыны великих стали входить к дочерям человеческим, и они рожали им: это герои, имена которых будут помнить во век.» (Бытие 6:4).

Древне-библейское «нефалим», традиционно переводимое, как «исполины», на самом деле является однокоренным со словами «падшие» (ангелы?) или «упавшие» (пришельцы?). А дальше – самое удивительное: словосочетание «бней хаэлохим» переводится как «сыны великих». Первое слово в этом сочетании – действительно грамматическая форма принадлежности (смихут) от слова «баним» – «сыны», но второе отличается от ивритского «Элохим» – «Бог» только определенным артиклем. «Элохим» – грамматическая форма множественного числа, без определенного артикля обозначает бесконечность могущества Бога Единого, т.е. континуум. Определенный артикль превращает этот континуум в счетное множество. Таким образом, «хаэлохим» может означать только «боги». «Бней хаэлохим» – сыны богов. Так о ком же идет речь? Кто они, сыны богов, от которых земные женщины понесли героев, чьи имена – Тезей, Персей, Геракл, Полидевк – мы помним до сего дня? И не о них ли слышал от бабушки Ноаха (Ноя), завораживающие рассказы внук его, Гомер.

«А вот родословная сынов Ноаха: Шейма, Хама и Йефэта. У них родились дети после потопа. Сыны Йефэта: Гомер и Магог...» (Бытие. 10:1—10:2)

Много ли мы знаем исторических личностей, помимо создателя «Илиады», с именем Гомер? Т.е. книга Бытия, канонизированная всеми тремя мировыми монотеистическими религиями, не только не отрицает, но напротив, подтверждает сюжетную, событийную основу древнегреческих мифов и даже существование богов! А значит феномен монотеизма не в отрицании СУЩЕСТВОВАНИЯ иных богов. Все гораздо сложнее и драматичнее. Этот феномен – в отрицании их ЕДИНСТВА с Создателем, т. е. ИСТИНОСТИ ВЕРЫ в них. Свобода выбора! Но какова ее цена?

«И увидел Господь, что велико зло человека на земле, и что вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время. И пожалел Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю человека, которого Я сотворил с лица земли...» (Бытие. 6:5—6:7).

Другими словами, древнегреческие мифы детализируют человеческую историю от сотворения Мира (а точнее – от сотворения человека: это не одно и то же и это важно!) до потопа. Помимо этого, они указывают на существование неких БОГОВ, находящихся в «оппозиции» к Создателю. Кто ОНИ? Откуда ОНИ взялись? В такой постановке ответить на эти вопросы трудно, если вообще возможно. Но можно их заменить эквивалентным: что было ДО сотворения Адама? Ученые доказали (они всегда что-то доказывают), что возраст Земли примерно 4.5 миллиардов лет. Как же соотнести это с тем, что Мир был создан за 7 дней и произошло это удивительное событие, согласно еврейскому летоисчислению, пять тысяч семьсот... лет назад?

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною; и дух Божий витал над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью. И был вечер, и было утро: день один.» (Бытие. 1:1—1:5).

Между словами «и стал свет» и «отделил Бог свет от тьмы» есть ВРЕМЯ, длительность, когда Создатель любовался своим созданием. Сколько это продолжалось? Ответ 4.5 миллиарда лет вполне легитимен: т.к. еще не было смены дня и ночи, все это был «день один». И кто сказал, что Земля в это время была необитаема? Ведь «безвидна и пуста» она была ДО СВЕТА. Согласно ведической традиции, оперирующей именно такими временными интервалами, первые люди произошли от бессмертных полубогов или ДЕТЕЙ БОГОВ (ничего не напоминает?), сознательно отказавшихся от своего бессмертия. Добавим к этому гораздо более плотную, чем наша, атмосферу, создающую мягкий субтропический климат на всей поверхности Земли, включая полярные области и получим мир, описанный в ведах. Но согласно Махабхарате, созданной мудрецом Вьясой, разделившим и записавшим веды, этот мир приходит в упадок после битвы на Курукшетре, что по времени вполне соотносится с созданием Адама. Другими словами, Библия описывает историю НАШЕГО социально-биологического вида, но история разумной жизни на Земле этим не исчерпывается. Такое утверждение ничему не противоречит. Более того, дошедшие до нас артефакты, как то мегалиты, или древние карты, на которых Антарктида – цветущий материк с субтропической растительностью, говорят о том, что эта история ЕДИНА. Я не знала ЧТО мы найдем в Хастинапуре, столице Куравов и Пандавов в противостоянии которых воплотились некие космогонические процессы. Но я была уверена, что поискать стоит.

– Ну что ж, добро пожаловать в клуб. – Задумчиво, почти нараспев, произнесла Кьяра.

– Да нам и так неплохо. – Пробурчал от костра Ури.

– Не думаю, что у вас есть выбор.

– Это Брюссель! – Ури выпрямился во весь рост, от чего его лицо, подсвеченное снизу языками пламени приобрело странные, почти мистические очертания. – То, что мы приняли за архитектурные изыски будущего, это административный комплекс Евросоюза в Брюсселе.

– Что ж ты раньше молчал? – Почти со злобой проговорила Кьяра, но обращены эти слова были не к Ури, а к Йораму.

– Да я и сейчас молчу. Не пугай людей своими телепатическими штучками. И да, я видел эту женщину, только не мог вспомнить где. Она была там, в том городе из моего сна, который оказался НАШИМ.

– Значит летим в Брюссель. – Подытожил Вадим.

* * *

Она шла по солнечной стороне широкого проспекта, недалеко от делового комплекса Евросоюза, наслаждаясь «декадентским» теплом золотой осени. Строгий, но в то же время элегантный деловой костюм мягко облегал ее по-юношески стройную фигуру, одновременно подчеркивая зрелую женственность форм. Ей вслед оборачивались. Почти невольно. Она свернула к небольшому, но с «аристократической скромностью» оформленному кафе, незаметному со стороны проспекта. Человек, поднявшийся ей навстречу, был, как принято говорить, еще совсем не старый, т.е. уже далеко не молодой, но явно имеющий время, деньги и возможность тратить и то и другое в дорогих фитнес-клубах.

– Ребекка...

– И тебе не болеть.

– Они уже нашли «Око Мира».

– Хочешь их остановить?

– Зачем? Если бы я мог ЗАСТАВИТЬ их делать то, что нам нужно, они бы делали то, что делают сейчас. Но в какой-то момент нам, разумеется, придется вмешаться. Главное – не пропустить!

Беседа. Фрагмент пятый

Легенда гласит...

«Все человечество соблюдало божественный закон – дхарму, и преданно служа дхарме, все люди честно исполняли свои обязанности. Учителя, правители, торговцы и ремесленники с удовольствием делали предназначенную им Богом работу, которую каждый избирал по своим склонностям. Все так ревностно хранили добродетель, что не наблюдалось никакого падения нравов, как это нередко случается среди процветающих народов.

В должное время женщины рожали детей, деревья приносили цветы и плоды, а коровы - приплод. В мире царило такое преуспеяние, такое великолепие, что все мужчины и женщины утверждали, что, как и миллионы лет назад, снова **водворился великий Век Правды**. И всю землю заполнили собой различные живые существа.

Но в это самое время, о лучший из правителей, когда человеческий род процветал, от жен земных царей стали рождаться могущественные демоны.

В прежние времена божественные адитьи, управляющие вселенной, сражались со своими нечестивыми родичами дайтьями и победили их. Лишившись высокого положения и власти, дайтьи начали рождаться на этой планете, тщательно рассчитав, что они легко станут богами земли, подчинив ее своей демонической власти. Вот так, о могущественный, и произошло, что среди различных существ и общин начали появляться асуры.

Демоны рождались в таком количестве, что сама земля Бхуми едва могла выносить столь тяжкое бремя. Утерев свое прежнее положение на высоких планетах, сыновья Дити и Дану являлись в этот мир великосильными царями и в других обличиях. Они были смелы и надменны и буквально заполонили собой опоясанную океаном землю, готовые раздавить всех, кто посмеет им противиться.

Они же давали жизни учителям, правителям, торговцам, ремесленникам и всем другим. А затем, разгуливая по земле сотнями и тысячами, они начали убивать всех земных существ, сея вокруг себя непреодолимый ужас. Пренебрегая божественной мудростью и знаниями брахманов, они угрожали мирно восседавшим в своих лесных ашрамах мудрецам, ибо эти, так называемые цари до безумия опьянялись мощью своих тел.

Так жестоко была утеснена Земля могучими дайтьями, кичившимися своими силами и своими полчищами, что она вынуждена была воззвать к Господу Брахме.

Господь Брахма, творец существ, наставил всех полубогов. Призвав к себе сонмы гандхарвов и апсар, Он повелел им всем: – вы все должны родиться среди людей, в любой, какой пожелаете, семье, пользуясь своей силой перевоплощения.

Небожители непрерывной чередой начали спускаться на землю, чтобы уничтожить своих злочестивых врагов и спасти все миры. О тигр среди царей, обитатели небес рождались в родах благолюбивых мудрецов и царей и стали убивать нечестивых.

О лучший из рода Бхараты, так могущественны были нисшедшие на землю боги, даже и совсем юные, что их не могли убить ни злые данавы, ни ракшасы, ни чародеи в змеином обличии.»

Фрагмент из Первой книги «Махабхараты», называемой «Адипарва» или «Начало».

Глава 5. Диспозиция

«Консервация объекта» прошла ожидаемо легко: управление древностей Индии любезно согласилось предоставить израильским коллегам возможность изучить найденные артефакты на базе стационарных лабораторных ресурсов Израиля, в рамках «умеренных финансовых и информационно административных обязательств». Во главе охранной группы, которой предстояло сопроводить «найденные артефакты» в Израиль, оказался человек, чем-то неуловимо похожий на Ури: будто их «выращивали» из одной ДНК ..., или тренировали на одной базе.

– Коллега? – Поинтересовался Вадим.

– Сослуживец. – Отрезал Ури, но потом добавил. – У него элитная охранная фирма в Тель-Авиве, а главное, в этих обстоятельствах – я ему доверяю.

Проблемы начались позже: арендованный институтом Боинг не выпустили из аэропорта Дели из-за каких-то загадочных неполадок. В результате, они оказались на чартерном рейсе до Вены, с транзитной посадкой в Брюсселе. Ладно, хоть бизнес-классом. Все это время Вадима не покидало ощущение, что за ними следят. Боясь показаться параноиком, он поделился своими опасениями с Ури («по умолчанию» ставшим их «ангелом-хранителем») лишь в самолете.

– Я знаю. – Неожиданно ответил тот. – Он сидит через два ряда позади нас, левее. – Вадим попытался «скосить глаза» в указанном направлении. – А теперь, после таких энергичных вращений, тем, что ты называешь головой, он знает, что мы знаем. Впрочем, именно этого я и добивался. Попробую «наладить контакт». – Закончил он, вставая, однако, через несколько минут уже снова сидел в своем кресле.

– Что? «Клиент» оказался необщительным? – Попытался связывь Вадим.

– Угу. – Задумчиво пробормотал Ури, доставая iPhone и давая таким образом понять, что разговор окончен.

Леа что-то энергично строчила в своем «ноутбуке». Йорам и Кьяра, казалось, задремали...

Брюссель встретил их ОЩУЩЕНИЕМ ПРОСТОРА. Если попытаться охарактеризовать этот город одним словом – это будет слово «перспектива». Но вторым – будет слово «контраст», как будто, вырезанный из картона, увитый плющом, средневековый замок, окруженный фантастическими «мегалитами» из стекла и бетона. Весь город – словно воплощение собственных фресок в стиле «арт нуво» и живописные шоколадные фонтаны в витринах бесконечных кондитерских. Они поселились в небольшой гостинице, недалеко от Рагуши.

– Я тебя НЕ СЛЫШУ! – Вдруг сказала Кьяра в упор глядя на Ури, когда они все собрались в их с Вадимом номере.

– Почти год назад, в одной из гостиниц Флоренции, разом погибли шесть русских оперативников, профессионалов ОЧЕНЬ высокого класса. Без каких бы то ни было видимых (и НЕ видимых) повреждений. Тебе об этом ничего не известно? – Парировал Ури, отвечая ей столь же пристальным, но без «агрессии», взглядом. – По одной из версий, они столкнулись с каким-то очень сильным экстрасенсом. С тех пор, в большинстве соответствующих «учебных заведений» учат блокировать сознание от подобных проникновений.

– Слушай! Давай на чистоту – ты археолог или спецназовец? – Спросил Вадим.

– Скорее – археолог, но уж никак не «спецназовец» ... Попробую объяснить, что смогу. Мои предки происходят из общины субботников, эмигрировавших в Палестину из Воронежской губернии Великой Российской Империи еще в начале XIX века. Вот уже несколько поколений мужчины в нашем роду занимаются «войной». Поэтому в армию я попал значительно раньше «призывного возраста»: есть навыки, которые можно развить лишь в детстве. Это как играть на скрипке, или заниматься фигурным катанием: вовремя не начал – уже не наверста-

ешь. Такое «стечение обстоятельств» предопределило мою судьбу, или службу, что в моем случае – одно и то же. Подразделение, в котором я оказался, не называют «спецназом», это другой уровень. О таких подразделениях мало кто знает и еще меньше говорят. Нас учили знать «все обо всем». Такие, как я, могут, при необходимости, разорвать человеку печень едва заметным движением руки и вдохновенно рассуждать о «сенситивных особенностях рисунка в живописи Поля Дельво», или «морфологических корнях супрематизма в искусстве античности». Но при этом у каждого, естественно, свои предпочтения. Моим «предпочтением» всегда была археология. Поэтому, когда я комиссовался, не составляло большого труда подтвердить третью академическую степень и начать работать на соответствующей кафедре Тель-Авивского университета.

– Не думал, что из таких «подразделений» можно комиссоваться. – Полу спросил, полу ответил Вадим.

– Нельзя! Мой случай – особый. А потому, как говорили прекрасные советские писатели, братья Стругацкие: «Есть предложение считать сумерки стусившимися»¹, а тему – исчерпанной! Теперь к делу. Пока вы мирно дремали в самолете, я связался с «одним человеком» здесь, в Брюсселе. Когда я описал ему нашу таинственную незнакомку, он сразу понял, о ком идет речь и наотрез отказался обсуждать что-либо по такому «каналу связи»...

– Телевизор включите. – Голос, вошедшего в номер, Йорама явно не предполагал наслаждение очередной «мыльной оперой».

«... как передает наш корреспондент, на борту самолета индийской авиакомпании Jet Airways, выполнявшего рейс Дели – Брюссель – Вена, обнаружен труп белого мужчины, без каких бы то ни было признаков насильственной смерти. Любопытно, что даже находившиеся в непосредственной близости, пассажиры посчитали его „просто уснувшим“. Полиция предполагает, что смерть наступила в результате сердечного приступа, что стало настоящей „пандемией“ в развитых странах по обе стороны Атлантики...»

– Стоп! А не тот ли это «мало общительный», но «крайне наблюдательный» молодой человек, с которым ты намеревался «установить контакт» ... – Начал было Вадим, но встретившись взглядом с глазами Ури, осекся.

– Когда я хотел к нему подойти, он был уже мертв и совершенно очевидно – не от сердечного приступа. Скорее всего – укол дофамин-содержащего (причем, в каких-то запредельных концентрациях) нейролептика, что само по себе, указывает явно не на любителя. Такими ресурсами может обладать только хорошо финансируемая «теневая», либо правительственная структура. Не хотел вас пугать раньше времени.

– Упс, – пробормотал Йорам – как говорила незабвенная Алиса: «Все страньше и страньше».

– Такой интерес к нашим скромным особам, видимо, связан с нашими находками, однако рискну предположить, что это не археологи. Но есть и хорошие новости. С моими и твоими – Ури посмотрел на Кьяру – способностями у нас есть шанс. А начнем с диспозиции. В чем, собственно заключается твой ДАР, как он работает?

– Я могу «читать» или «слышать» человека, которого вижу, или по-вашему, с которым у меня визуальный контакт.

– Но во Флоренции такого контакта не было, во всяком случае, в начале?

– А ты прав! – Удивленно подняла брови Кьяра. – Но они просто излучали угрозу, были нацелены на убийство. Нас с ним – Кьяра посмотрела в сторону Вадима – убийство! Я лишь отразила то, что они принесли с собой.

¹ Аркадий и Борис Стругацкие. Сказка о Тройке.

– Классический принцип большинства восточных единоборств, перенесенный в сферу «невербального». Bravo. Но в самолете такой угрозы не было?

– Нет. Да я вообще его не заметила. Задумалась о своем.

– Потом расскажешь, о чем именно, а пока подведем итоги:

а) наш, назовем его так – «наблюдатель», был ориентирован «только» на слежение, а не на причинение ущерба;

б) в ходе выполнения задачи, он сумел избежать визуального контакта, либо «выставлял» блок, как я, что означает – он профессионал очень высокого уровня и он знал кто ты;

в) из этого следует: люди, сумевшие добыть такую информацию и задействовать такого профессионала, рано или поздно, нас найдут и, «почему-то», я не жду от этого ничего хорошего;

г) кому-то было нужно ИХ задержать и хотя вряд ли это альтруизм – «подарок» весьма кстати.

Только действовать надо быстро. Скажи, тебе нужен прямой контакт, или возможны варианты: зеркала, камеры?

– Возможны варианты. И дополни свою «диспозицию» еще одним: твои пресловутые «блоки» – защита от ленивого. Доказать?

– Спасибо. Приму как аксиому.

– Я сейчас выведу спутниковую «картинку» площади. – Энергично проговорил Вадим, открывая ноутбук.

– Остановись. – Ури даже протянул руку в его сторону. – У твоих «абсолютно защищенных» каналов связи есть как минимум один недостаток – они уязвимы. Всегда можно отследить, если не сам запрос, то хотя бы факт его существования. Тем более, что мы не знаем, с кем имеем дело и какие у НИХ возможности доступа. Выведи картинку с сетевых «общественных» web-камер. Они защищены гораздо надежнее – законом «больших чисел».

Тем временем в распахнутые окна их номера ворвались звуки настоящей музыкальной «дуэли», разворачивавшейся на площади. По обычному, особенно для старой Европы, бюрократическому недоумию, муниципалитет пригласил на площадь в один вечер два разных оркестра – фольклорный и джазовый. Начав со взаимных требований покинуть территорию, через стадию «кто громче», наполнившую пространство жуткой какофонией, музыканты, наконец, перешли к импровизационному диалогу, чем дальше, тем более азартному, демонстрируя если и не виртуозность владения ремеслом, то уж во всяком случае – восторг от сопричастности к ИСКУССТВУ. Постепенно этот азарт захватил всех, площадь быстро наполнялась людьми, охотно и радостно сопереживавшими «дуэлянтам». Наивная жизнерадостность этого действия была столь заразной, что на какой-то момент им даже показалось, будто и они являются его частью.

– Они здесь. – Вернула их к действительности Кьяра. – Скинхед у стены противоположного здания, одного из обрамляющих площадь, пара туристов, он иона – в центре, клоун – у импровизированных подмостков фольклорного ансамбля и ближе к нам аристократического вида седовласый господин, раскуривающий трубку.

– Это все?

– Да. Я уверена. – Вдруг лицо Кьяры приобрело выражение удивления и даже растерянности. – Но их цель не мы. Вон тот панк-подросток неопределенного пола. О Боже – это ОНА.

– Сидите здесь и ждите моего «выхода» – вы поймете. – Ури говорил негромко, бесстрастно, будто учитель, излагающий ученикам многократно доказанную, а потому несколько надоевшую, теорему. – А когда поймете, быстро спускайтесь вниз, не на лифте. На площадь не выходите. В холле, рядом с мужским туалетом есть дверь в служебные подсобки – она будет открыта. Через нее попадете на улицу. Ждите меня там.

Через короткое время у противоположной стены появился подвыпивший бомж, в каких-то уж очень ветхих и явно не благоухающих, лохмотьях. Его сторонились. Образовавшаяся вокруг него линза пустоты позволяла двигаться неожиданно быстро, несмотря на расхлябанную, шаркающую походку. Он поравнялся со скинхедом как раз в тот момент, когда тот уже протянул руку к цветастому ирокезу подростка.

– Честь дамы!!! Хамы!!! – Вдруг завопил по-русски бомж и размашисто занес правую руку для удара, но прежде, чем она закончила свое движение, скинхед как-то странно развернулся и начал оседать на брусчатку мостовой. Несмотря на огромное желание досмотреть, Йорам, Кьяра, Вадим и Леа, подчиняясь полученным «инструкциям» быстро сбежали по ступеням в холл. Когда, пробравшись через темные, пахнущие пылью и пряными специями, подсобки, они наконец выбрались наружу, серая «тойота» wagon, въехавшая правыми колесами на тротуар уже нетерпеливо «моргала» фарами, а через несколько секунд они уже мчались «навстречу закату».

– На втором светофоре – налево. – Властно скомандовала, снимая оказавшийся париком ирокез, незнакомка.

– А мы, вообще-то, не такси. – Скорее удивился, чем возмутился Ури.

– Так будет лучше – уже примирительно заговорила девушка – и поверьте, я не желаю вам зла. Особенно после всего этого. – Кстати, меня зовут Ребекка.

– Приятно познакомится. – Почти растеряно пробормотал Йорам, от неожиданности даже забывший о своем «амплуа» ироничного циника.

– Откуда этот жуткий наряд? – Поморщилась Кьяра.

– Махнул не глядя с реальным бомжом.

– А машина?

– Позаимствовал. – Коротко бросил Ури.

– Да, это было не очень вежливо. – Не удержалась от улыбки Ребекка.

– Ну раз уж у нас сегодня «вечер вопросов и ответов», – начал, видимо пришедший в себя Йорам – не подскажите, куда едем?

– Едем мы к моему другу, – Ребекка снова улыбнулась, увидев, как изменилось лицо Йорама при упоминании о друге – у него небольшой домик здесь в пригороде. Он все объяснит.

– Ну, кое что попробую объяснить я. Наша очаровательная спутница – весьма авторитетная, в криминальных кругах «по обе стороны Атлантики», личность, по кличке «оценщица». А едем мы, надо понимать, к ее боссу и наставнику, по кличке «гончар». Важно так же отметить, – нарочито «лекторским» тоном продолжил Ури – что истинное уважение среди «ценителей» эти люди снискали благодаря уникальной коллекции артефактов древности, мистического или сакрального свойства. Мой брюссельский «знакомец», не без трепета, поведал мне, что Святой Грааль для вас – вроде вазочки для бижутерии в интерьере «фен-шуй» и настоятельно посоветовал держаться подальше.

– Ваш «знакомец» сильно преувеличивает. Хотя я действительно видела и даже прикасалась к Святому Граалю. – Ребекка обвела своих спутников открытым, несколько вызывающим, взглядом, слегка встряхнув «струящейся», до плеч, волной, цвета «воронова крыла», волос. – Вам, – она обратилась к Лее – наверное, будет любопытно узнать, что это, естественно, не чаша Иосифа Аримафейского, окропленная кровью Спасителя. Таковой не существует: иудаизм просто запрещает подобные ритуалы с человеческой кровью, а главные герои этой трагедии, как известно, были иудеями и, причем, весьма религиозными. «Грааль» – это от еврейского «гораль» – судьба. Святыня, о которой идет речь, это искусно отлитая из золотых сплавов и богато украшенная Великим Мастером Бецалелем, по приказу пророка Моисея, чаша, для хранения легендарного МАННА, питавшего ваших предков сорок лет, после выхода из Египта. *«И нарек дом Израйлев имя ему манн: он, как семя кориандровое, белый, а вкус его, как у лепешки с медом» (Исход 16:31).* *«И сказал Моше Аарону: возьми один сосуд и положи*

туда полный омер манна, и поставь его пред Господом для хранения в роды ваши. Как повелел Господь Моше, поставил его Аарон пред заветом для хранения. А сыны Израйлевы ели манны сорок лет, до пришествия их в землю обетованную; манны ели они, доколе не пришли к рубежу земли Кенаанской. А омер – десятая часть эйфы» (Исход 16:33-16-36). В настоящее время – Ребекка нарочито передразнила лекторские интонации Ури – вне зоны досягаемости. Скорее всего – в подвалах Ватикана.

– Откуда Вы знаете, кто мы? – Спросил Вадим.

– Я многое о вас знаю. Но об этом лучше поговорить с Гончаром. Да мы уже почти приехали: не прозевайте поворот направо – это не «автобан».

Минут через пятнадцать они въехали в мягко открывшиеся перед ними ворота из кованного железа. «Небольшой домик» оказался настоящим помещьем, с центральной усадьбой, стилизованной под венский Бельведер легендарного Евгения Савойского. На пандусе у входа их встречал сам хозяин – среднего роста крепкий немолодой человек с приятным лицом, обрамленным густой копной седых волос.

– Добро пожаловать в мой дом. – Произнес он, широким жестом приглашая их пройти в сторону высоких, двухстворчатых деревянных дверей, предварительно передав руль здоровенному, атлетического сложения, как бы это сказать, афро-европейцу Стенли. – Марта покажет вам ваши комнаты. А вам – он обратился к Ури – я настоятельно рекомендую переодеться. В вашей, с женой, комнате вы найдете все необходимое.

Примерно лет сорока, Марта, с непроницаемым лицом и в таком же, как лицо, форменном платье, слегка наклонила голову, словно обозначая, кто именно выполнит распоряжение хозяина.

– Когда будете готовы, – продолжил Гончар – жду вас в гостиной, на первом этаже.

Через пол часа все собрались у камина, в просторном, изысканно обставленном, чуть стилизованном под «готику», зале. На низком, красного дерева, изящном столике, по принципу «равно-удаленности» от кресла каждого, стояли прямоугольные хрустальные графины, наполненные разного оттенка янтарными жидкостями, источающими дорогой, «манящий» аромат.

– Такое впечатление, что вы нас ждали. – Произнесла Леа, пытаясь выдержать пристальный взгляд хозяина дома.

– Ждал, но не так скоро.

– Нам нужны ответы. – Не очень дружелюбно начал Вадим.

– А у вас уже есть вопросы? – Парировал тот и, воспользовавшись замешательством Вадима, продолжил. – Боюсь, вы даже не представляете, во что ввязались. В качестве «бонуса», хочу вам представить мою очаровательную помощницу.

– Да мы уже, вроде как, познакомились. – Произнес Ури. – Или у вас их много, столь же очаровательных?

– К сожалению, не могу себе позволить. – Сокрушенно развел руками Гончар. – Тем более, что столь уникальной все равно не найти. Знакомьтесь: вторая жена фараона Хнум-Хуфу, или Хеопса, она же его сводная сестра, царица Хенутсен, отправленная мужем в публичный дом, чтобы добыть деньги на строительство Великой Пирамиды. Желая искупить этот свой грех, великий фараон повелел оказать царице высочайшую милость, похоронив ее в один с ним день, в его пирамиде, во второй погребальной камере, камере царицы, расположенной над его собственной. «В миру», современном нам с вами, великая царица наречена именем Ребекка, по прозвищу – оценщица.

Наступившую тишину внезапно нарушил робкий голос Йорама.

– Не подскажите, а Наполеон тут у вас в какой палате?

– Ценю Ваше остроумие, особенно уместное при путешествии в обществе очаровательной Медузы Горгоны, врагов повергающей взглядом единым...

Беседа. Фрагмент шестой

- А хорошо ведь, господа?! Правда! Мне нравится.
- Не перехвалитесь, уважаемые.
- Ребекка?! А ты тут что делаешь?
- Слежу. А то вас заносит, время от времени. Чувство меры изменяет. Скромней надо быть, господа! А то ведь как дети, ей Б-гу...
- Когда-то Ремарк написал: «Есть что-то детски-трогательное в затылке женщины. Наверное, поэтому на нее нельзя по-настоящему сердиться»². Никогда не задумывались, почему МУЗА всегда – ЖЕНЩИНА.
- Вопрос из серии «почему на женские попы смотреть приятней, чем на мужские лица».
- Фу, господа! Моветон! Я думаю, наша очаровательная муза имеет ввиду кличку «оценщица». Для интеллигента, «чей родной язык – русский»³, слишком прозрачная аналогия: оценщица – процентщица...
- Вот об этом я и говорю. И я не старуха, да и вы, господа, не Достоевские!
- Спасибо за напоминание. Нет, правда. Однако, милая леди, Вам пора – ваш мир стремительно меняет очертания
- И все уже давно не то, чем кажется.
- В строке прокрустовой удобно ль СЛОВУ ляжется?
- Благая ль весть – твое напоминание?
- Пора, Ребекка, пора. Там без тебя неуютно и холодно. Твой мир, как и наш, не терпит пустот. Не забывай нас. Б-г даст, свидимся...

² Эрих Мария Ремарк. Возвращение.

³ Иосиф Бродский. Из Нобелевской речи.

Глава 6. Ребекка

– «Отец истории» Геродот сильно преувеличил мои скромные способности, считая, что я могу заработать ЭТИМ на строительство Великой Пирамиды. К тому же, он перепутал меня с дочерью первой жены фараона. Пирамиды к тому времени существовали уже тысячи лет и не имели никакого отношения к погребению. Дело в том, что пирамиды – это, по-вашему, энергетические установки, но имеющие дело с энергией совершенно особого рода. В первом приближении, ее можно назвать ЖИЗНЕННОЙ. Хеопс был одержим их ТАЙНОЙ. В цивилизации культа смерти, ее правители были одержимы жаждой ВЕЧНОЙ жизни. Эта одержимость, действительно, требовала денег – она была, как наркотик, одурманивающий сознание. Евнух, владевший «заведением», куда послал меня мой царственный супруг, не рискнул задействовать его любимую жену непосредственно в «технологическом процессе», но использовал это как гениальный «PR-ход», столь эффективный, что слава о нем, через две тысячи лет, дошла до Геродота. И более того, действительно помогла Хеопсу проникнуть в самую величественную из пирамид, обнаружив там две камеры, которые он решил использовать как погребальные: «Принадлежащий Тростнику и Пчеле, Великий Повелитель Обоих Миров, Верхнего и Нижнего Египта» был уверен, что если мы будем погребены в этих камерах, то немедленно воскреснем к ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ. Самое удивительное, что со мной именно так и произошло. Его же тело, а точнее – мумия, просто превратилось в прах. Разница, видимо в том, что я умерла НЕ естественной смертью – на момент погребения мне было двадцать три года. Через семь дней я очнулась в своем склепе. Нужно ли говорить, какой это был шок, но кроме того, я считала себя «грязной», отверженной даже смертью. Выбравшись из пирамиды, я сторонилась людей. В какой-то момент я решила пойти в пустыню, в надежде, что смерть все же сжалится надо мной. Меня подобрал жрец-отшельник. Выслушав мою историю, он ей поверил и, более того, сказал, что я НЕ ЕДИНСТВЕННАЯ. Он же научил меня пользоваться моим новым СОСТОЯНИЕМ: дело в том, что с тех пор, каждые двадцать три года, в день моего захоронения, я впадаю в кому, продолжающуюся семь дней. Очнувшись, я очень смутно помню события, предшествовавшие очередной инициализации, или, по-вашему, «перезагрузке». Зато отчетливо помню свою первую «инкарнацию», жизнь во дворце Хеопса. Я – как древний манускрипт, прошедший через множество эпох: кто-то пытался писать на полях, кто-то – на обратной стороне. Эти записи отрывочны, невняты, иногда почти затерты. Четким остается лишь первоначальный текст. Но то, что не помнит сознание, «помнит» тело: видимо, какое-то время я провела в средневековой «психушке» – я абсолютно невосприимчива к нейролептикам, как растительным, так и синтетическим и вообще – к ядам; горела, как ведьма, с тех пор огонь не только не причиняет мне боли, но даже не оставляет следов. Вообще, средневековые очень многому меня «научило». А главное – свойству крови и не той, которая в жилах, а той, которая «из жил». Пролитая кровь – главная составляющая, практически, любого сакрального обряда, какую бы религию он ни воплощал. Иудаизм, его «базовая» составляющая – Ветхий Завет, первым ограничил этот поток кровью животных: заповедь «не убий» – универсальна. Это означает, что кровь – не просто «биохимическая жидкость», она – носитель той самой ЖИЗНЕННОЙ или АСТРАЛЬНОЙ энергии. Неудивительно, поэтому, что Пирамида изменила мою кровь, что-то структурное, базовое. Попав на какую-либо поверхность, она моментально «впитывается», становясь частью объекта, но и делая объект МОЕЙ частью. Я могу его ЧУВСТВОВАТЬ: местоположение, состояние. И это не просто «GPS-маркер»: если объект статичен, это не причиняет больших неудобств, но если он приходит в движение или разрушается, ощущения могут быть весьма болезненными. Инициация Ока Мира во дворце Дхритараштры, активировало наше (да это не «штучное изделие»). Так мы узнали о вас и, как выяснилось, не мы одни. Собственно, этого следовало ожидать – поэтому я и полетела в Дели: если не оградить, то, хотя-бы, пре-

дупредить. Однако, человек, который «вел» вас в аэропорту, оказался совсем не так безобиден, как можно было подумать – он попытался меня убить. Не слишком изобретательно – игла с очень сильным нейролептиком, замаскированная под перстень. Почувствовав укол на тыльной стороне ладони, я дернула рукой так, чтобы образовалась царапина и успела «мазнуть» выступившей кровью его по лицу. Помню, как он демонстративно-участливо улыбнулся, будто человек, знающий нечто, недоступное мне. А потом удивился, когда, попытавшись вытереть кровь, обнаружил, что носовой платок сухой. В конце концов, его убил яд, предназначенный для меня, поэтому никаких угрызений совести я не испытываю. Ликвидировав, таким образом, непосредственную угрозу, я решила, что следовать за вами дальше небезопасно, не только для меня, но и для вас. Той же кровью я пометила край твоей – Ребекка посмотрела на Йорама – одежды. Так я смогла проследить вас здесь, в Брюсселе, но поняв, что за мной следят, не стала входить в контакт. Остальное вы знаете.

– Кто же нас преследует? – После некоторой паузы спросил Вадим.

– Именно это нам и предстоит выяснить. – Хозяин дома обвел всех своим внимательным, «фирменным», взглядом. – Разрушение Второго Иерусалимского Храма выбросило в мир, совершенно к этому не готовый, совокупность ПРЕДМЕТОВ, артефактов огромной мистической силы. Это вызвало настоящий «пассионарный» хаос: заключенной в них пассионарной энергии оказалось достаточно для возникновения многочисленных тайных «братств», а мистические свойства давали иллюзию обладания ВЫСШЕЙ СИЛОЙ или ВЫСШИМ ЗНАНИЕМ. Тамплиеры и, наследовавшие им, масоны – лишь самые известные и самые одиозные из этих сообществ, но были и другие. Причем, не только другие сообщества, но и другие ПРЕДМЕТЫ. Сейчас уже трудно достоверно понять, что было в начале, «яйцо или курица»: то ли артефакты Второго Храма породили тотальную охоту за материальными воплощениями мистических сил, что привело к обнаружению предметов, более древних, чем наша цивилизация; то ли ХРАНИТЕЛИ ДРЕВНЕГО ЗНАНИЯ начали охоту за новыми артефактами, чем, невольно, обнаружили самих себя и некоторые из своих секретов. Да оно и неважно. Обнаруженный вами пирамидон относится именно к этой, более древней, категории. У кого-нибудь есть доллар, – вдруг спросил он – не держу при себе мелочи.

Йорам молча протянул банкноту.

– Так вот, – продолжил Гончар – на реверсе, как вы, конечно, знаете, изображены две стороны Большой Государственной Печати США. Одна из этих сторон представляет собой рисунок пирамиды, увенчанной Всевидящим Оком. Никаких ассоциаций не вызывает?

– Не хотите же вы сказать, что нас преследует правительство США? – На этот раз в голосе Йорама прозвучало искреннее удивление.

– Нет, конечно. Но не секрет, что Отцы-Основатели отпочковались от древнего и крайне загадочного тайного общества, ошибочно причисляемого к Масонам. Фактически, они были ревизионистами, провозгласив веру в Бога Творца (наши начинания благословенны) и отказ от жесткой, «казарменной», иерархии (единство в многообразии), но сохранив указание на «истоки» в виде «Лучезарной Дельты», что, в сущности, и является найденным вами артефактом.

– Здесь безопасно? – Вдруг спросила Кьяра.

Гончар удивленно посмотрел на нее.

– Полную гарантию, как известно, дают только Господь Б-г и страховой полис. Третья в этом списке – моя вилла.

Его слова еще звучали в воздухе гостиной, когда Йорам рванулся со своего места и опрокинув кресло Ребекки, закрыл ее своим телом. Прежде, чем, просвистевшая над их головами, пуля разбила мраморную каминную полку, он успел ПОЧУВСТВОВАТЬ упругую силу ее бедер, мягкую хрупкость плеч... Смущенный, он вскочил на ноги.

– Лежать! – Заорал Ури, снова опрокидывая его на пол.

Однако продолжения не последовало.

– Ты?!! – Вставая, уставился на Йорама Ури, будто увидел его впервые.

– Да я! Почувствовал. Так же, как Кьяра. Может быть, чуть острее.

– Видимо, на то были причины. – Понимающе усмехнулась Леа.

– Кажется, я твоя должница. – Ребекка одарила его долгим, пронзительным, как только что пережитое им мгновенье, взглядом.

– Рад был оказаться полезным. – Нарочито сухо ответил, приходя в себя, Йорам.

В этот момент в комнату вбежал не на шутку перепуганный чернокожий гигант Стенли.

– Вы в порядке?

– Что это было? – Проигнорировал его вопрос хозяин.

– Снайперский выстрел с очень большого расстояния. Мы этим занимаемся, но вам лучше спуститься в убежище.

– Поздно. На данном этапе нам лучше разделить наши усилия. – Он повернулся к своим гостям. – Вам, я думаю, стоит вернуться в Израиль. Сколько свитков было при пирамиде.

– Пять. – Ответила Леа.

– Полный комплект. Для полной активации Ока Мира необходимо повторить проделанную вами процедуру со всеми свитками. Не важно, в каком порядке, но я очень рекомендую, прошу, этого не делать. Ребекка уже обмолвилась, что у этого пирамидона есть «тираж» – насколько мне известно, их пять, так же, как и активирующих свитков. Один нашел я, другой – вы. У кого остальные – это не вопрос «на миллион долларов», это вопрос жизни и смерти. Активация не просто дает «красивые картинки», она открывает многоуровневый канал связи. В выигрыше от этого окажется тот, у кого на момент открытия будет больше информации. На сегодняшний день – это наши враги. Надо, хотя бы, уравнивать шансы. Этим займусь я. Вы же займитесь свитками. Это не просто «штрих-код», а точнее – не только штрих-код. Это еще и «письменность». Попытайтесь ее расшифровать – мне это не удалось. Сведите к минимуму любые официальные контакты, в том числе – с институтом. У меня есть небольшая (на этот раз, действительно небольшая), но хорошо оборудованная квартира-студия в Мишкенот Шаананим⁴. Ребекка поедет с вами – она обеспечит доступ к моим ресурсам. Добро пожаловать в мой мир, господи и да поможет нам Бог!

* * *

Перелет в Израиль прошел без каких-либо происшествий. Судьба будто давала им передышку, time out, чтобы осмыслить события последних дней: институтские беседы, СОН, перелет в Индию – все, вплоть до встречи с Ури и Леей под брезентовым сводом административного шатра на раскопках в Хастинапуре, все это казалось невообразимо далеким. Мир непоправимо изменился с тех пор – в нем появились Гончар и Ребекка. Да и сами они уже не были прежними. Прямо из аэропорта Кьяра, Вадим, Леа и Ури отправились в институт, куда доставили их индийские находки. Ребекка и Йорам – в Иерусалим, разворачивать альтернативную лабораторию (а возможно – убежище?) в Мишкенот Шаананим.

Изысканный, богемный Мишкенот Шаананим, Обитель Блаженных, живописными террасами спускается от улицы царя Давида к неглубокому, но широкому оврагу, оборудованному под одну из самых крупных в стране открытых концертных площадок, называемую «Бассейны султана»: во времена турецкого владычества здесь, действительно, располагался бассейн. По другую сторону оврага возвышаются величественные стены Старого Города. Пятикомнатный коттедж, «любезно» предоставленный в их распоряжение, ничем не выделялся

⁴ Дорогой, в значительной степени – «богемный», район Иерусалима, расположенный напротив Яфских ворот Старого Города.

в ряду таких же, одинаково непохожих друг на друга, строений. Ну разве что Wi-Fi антенной на крыше. В подвале был оборудован мощный автономный сервер. Йорам «припал» к оборудованию, как Антей – к жизне-дарящей Матери-Земле: тестировал, устанавливал какие-то собственные программы с набора флешек, с которыми никогда не расставался, менял конфигурацию, делая ее более похожей на, привычную для «большинства пользователей», институтскую систему. Ребекка была рядом, молчаливая, сосредоточенная, как выяснилось, весьма неплохо владеющая навыками системного оператора, что оказалось, как нельзя кстати.

– А мы неплохая команда. – Уже под вечер устало произнес Йорам развалившись в удобном мягком кресле, развернутом в сторону раздвижной стеклянной стены салона, открывавшей потрясающий вид на залитый огнями Древний Иерусалим.

– Ты имеешь ввиду только работу?

– ?!

– Ты меня боишься?!

– Да...

– Просто и честно.

Ребекка подошла сзади, окутав его мягким ароматом своих духов. Он ощутил на шее прохладное прикосновение ее длинных тонких пальцев. Она склонилась к его плечу, слегка прикусив зубами мочку уха. Воздушный шелк ее волос приятно щекотал щеки. Заведя руку за спину, он «перетянул» ее к себе на колени, коснулся ладонью живота, забравшись под облегающую голубую майку. Потом, запутавшись в тесьме, стягивающей на ее талии просторные шелковые шаровары, неожиданно для самого себя, рванул ткань, разорвавшуюся с сухим треском, отбросил ее далеко в сторону и заведя руку между ее ног, ощутил приятную нежность кожи с внутренней стороны бедра. Содрогнувшись всем телом, Ребекка выгнулась ему навстречу. Он поднялся, подхватив ее на руки и отнес в спальню. ... Это был долгий, изнуряющий, как пески пустыни, марафон, когда они упивались телами друг друга, содрогаясь от совпадения прикосновений, теряя грань между забытьем и реальностью... Они уснули глубокой ночью, в сладком изнеможении так и не в силах оторваться друг от друга. Однако, открыв глаза под утро, Ребекка поняла, что разбудило ее ощущение пустоты – Йорама рядом не было. Набросив халат и пройдя в салон, она обнаружила его голым по пояс, в каких-то неопределенного цвета шароварах, босиком стоящим перед огромной, во всю стену, прозрачной доской из металлизированного пластика, наполовину испещренной «загадочными письменами», сиречь, понятными лишь одному ему, корявыми каракулями.

– Тебе сварить кофе?

– Все не то, чем кажется! – Йорам посмотрел на нее совершенно отсутствующим взглядом.

Беседа. Фрагмент седьмой

– Великий плохой писатель Михаил Анчаров однажды рассказал притчу.

«Пять человек поспорили, что такое СЧАСТЬЕ. Один сказал: „Счастье – это когда много любви и много работы: любовь побуждает к работе, а работа – к любви“. Второй сказал: „Счастье – это когда нет ни работы, ни обязанностей, ни домашних заданий. А есть Земля и Небо и можно сколько угодно писать их красками, ваять резцом“. Третий сказал: „Счастье – это когда можно кидать идеи, пачками и не заботиться об их осуществлении“. Четвертый сказал: „Счастье – это когда можно бороться, отстаивать свое мнение, стоять насмерть за правое дело... и дарить подарки“. И только пятый молчал, потому что его счастьем было сожрать все то, что сделают остальные четверо».

– Зачем люди идут в горы? Затем, что они существуют? Жизнь дана человеку, чтобы ДУША прозрела. Кому-то для этого нужно забраться на Эверест. Кому-то – погрузиться

в пучину порока, чтобы из глубин бездны отчаяния воздеть лицо к Небесам и прокричать: «Это Я, Господи! Неужели Ты оставил меня?!». Кому-то – объяснить другим, то чего они раньше не понимали, нарисовать то, чего они раньше не видели. И только сожрав «все то, что сделают остальные четверо», получишь лишь чувство сытости – где уж тут о душе-то подумать?

– Вот за что не люблю Анчарова, так это за «совковый» оптимизм. Добро бы сожрали «все то, что СДЕЛАЮТ остальные четверо» – быть сытым совсем не так плохо, к тому же, это обеспечивает их востребованность. Но ведь сожрут и самих тех четверых! Съедят поедом и косточки не сплюнут! Зачем!!! Опомнитесь, человеки – их ведь всего-то четверо! А вас...

«И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион имя мне, потому что нас много.» (От Марка 5:9).

Глава 7. Меридиан

– Все не то, чем кажется. – Произнесла с порога Кьяра, оглядывая салон их «убежища». Вошедшие следом Вадим, Леа и Ури так же с любопытством разглядывали открывшуюся им мизансцену.

– Всегда рада вас видеть. – Не смогла скрыть досады Ребекка.

– Разочарована.

– Немного.

– Просто и честно...

– Тяжело с вами, экстрасенсами. – Пришел на помощь Ребекке Йорам, жестом приглашая всех к большому овальному столу посреди комнаты. – Тебе помочь?

– Помоги. – Ребекка напряженно смотрела в глаза Йораму.

– Думал, ты откажешься. – Произнесенные Йорамом слова, будто существовали отдельно от него, в этот момент смотрящего на Ребекку с нескрываемым восхищением и нежностью, de facto утверждая новый порядок вещей в их команде.

– Тяжело с вами, экстрасенсами. – Пробормотала, отводя глаза Ребекка, но в голосе ее слышалось явное облегчение.

– Сначала – ты. – Сказал Йорам, глядя на Кьяру, когда все получили по чашечке густого, ароматного кофе, сваренного на большом металлическом подносе с песком.

– Индуизм нельзя отнести к язычеству, несмотря на богатый пантеон богов, ибо все они, включая богов Тримурти (индийскую Троицу) – Брахму, Вишну и Шиву, подчиненно соотносятся с Великим и Всемогущим Верховным Божеством, не называемым, но обозначаемым мантрой Ом. Т. е. по сути, Ом ничем не отличается от Бога Творца Ветхого Завета, у которого, как известно, так же есть свое весьма многочисленное Воинство. В чем же отличие истории Ведической от Ветхозаветной. Герои Рамаяны и Махабхараты ПОЛУЧАЮТ от богов, как сказали бы наши уфологи, супер прогрессивные технологии: ядерное и лазерное оружие, виманы, сиречь – летающие тарелки и т. д. Персонажи Ветхозаветные: Ноах (Ной), Великий Мастер Бецалель при пророке Моисее и другие, получали лишь подробные описания того, что они должны были сделать САМИ. Ведическая и допотопная (в смысле – до потопа) история изобилует рассказами о прямом участии богов в делах смертных. Начиная с Ноя, люди действуют самостоятельно, руководствуясь СВОБОДОЙ ВЫБОРА (чего не было у персонажей Ведических), следовать или НЕ следовать определенным ПРАВСТВЕННЫМ установлениям. Моисей не был ни богом, ни полубогом, он был ПРОРОКОМ и это еще одно отличие от истории Ведической – существование ЛЮДЕЙ, генетически никак не связанных с небожителями, но обладающих особыми, экстра ординарными способностями, т.е. – ТАЛАНТОМ. Таким образом, талантливые люди – это инструмент влияния Бога на повседневную жизнь людей. Но инструмент, такой, например, как токарный станок, требует энергии. Великий ученый Лев Гумилев назвал энергию, приводящую «в действие» талант, ПАССИОНАРНОЙ. Одним из проявлений пассионарной энергии является возникновение новых этносов, т.е. новых народов. Самым одиозным примером такого этногенеза является, описанное в Ветхом Завете, возникновение евреев. Характерно, что становление евреев, как народа, т.е. самостоятельной этнической единицы, началось с ЧУДА, со многих чудес, явленных пророком Моисеем. Когда количество свидетелей ЧУДА превышает некую критическую массу, возникает новый народ – это общее правило любого этногенеза: так было с евреями, так было со средневековыми еретиками, которые, вне всякого сомнения, были новым этносом, а их истребление – соответственно, геноцидом. Борьба с Альбигойской ересью и костры инквизиции унесли жизни одного миллиона человек. Что же заставляло неграмотных крестьян идти на костер с мужеством первых христианских мучеников, порождая сомнения и вселяя мистический ужас в души самых убежденных

палачей? Теософские противоречия между дуализмом гностиков и папским тринитаризмом?! Смешно, не правда ли? Тому могла быть только одна причина – свидетельство ЧУДА!

– Но почему же ЧУДО столь публичное, что вызвало такой гигантский выброс пассионарной энергии, оказалось незамеченным летописцами и историками? – Несколько скептически посмотрела на Кьяру Леа.

– А кто сказал, что незамеченным?! Из протоколов допросов Святой инквизиции следует, что Альбигойцы считали себя последователями еще учеников Спасителя, бежавших из Палестины в Европу после Великой Казни и научившихся сохранять чистоту веры даже в условиях эллинистического язычества, насаждаемого Римской империей. Те первые адепты новой веры привезли в Европу ТАЙНУ, Святой Грааль, таинственную ЧАШУ. Многочисленные свидетели описывают МНОГОМЕСЯЧНЫЕ бдения избранных у СВЯЩЕННОЙ ЧАШИ, не только наполняющей благодатью дух, но и питающей тело, позволяя им все это время обходиться без еды и питья. А хроники, описывающие празднование катарами весеннего равноденствия 14 марта 1244 года в крепости Монсегюр, за двое суток до их полного уничтожения, говорят о некоем материальном предмете, превратившем праздник в таинство, настолько потрясшее осаждавших крепость рыцарей, что некоторые из них тут же принимали посвящение в катары, неминуемо обрекая себя на сожжение. Не Закон и даже не Десять Заповедей попросил у Создателя Моше-рабейну (пророк Моисей) в доказательство Божественности своей миссии, но ЧУДА. Причем всякий раз чудо совершалось посредством некоего материального артефакта, будь то посох, или Ковчег Завета, или чаша с Манном и т. д. Другими словами, существует некая совокупность предметов, позволяющая управлять пассионарной энергией и, соответственно, человеческой историей. В Торе, или Пятикнижии Моисея, под предлогом строительства Скинии (т.е. походного Храма), дается подробное и тщательное описание этих предметов, их размеров и устройства. Будто речь идет о некоем «интерфейсе», а Каббала, древнейшее мистическое учение – это «инструкция пользователя». Проблема же заключается в том, что большинство «пользователей», особенно современных, не читали «инструкцию». Но нас, в данном случае, интересует не это: по сравнению с Ведическим, был создан принципиально новый механизм управления историей, исключающий НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ вмешательство Высших Сил. Если в качестве «рабочей гипотезы» принять теорию, изложенную нам Леей в Хастинапуре, то среди этих сил есть находящиеся в «опозиции» к Создателю, традиционно именуемые «темными» или «демоническими». Разрушение описанного механизма приведет к их прямой экспансии на Землю – Войне Миров, кстати, уже описанной в ведении к Махабхарате.

– Но разрушить эти предметы невозможно! – Подхватил тему Йорам. – Отмеченное Его прикосновением «да пребудет в роды ваши», т. е. ВЕЧНО. Однако, как действует этот «интерфейс»? Очень упрощенно, это можно сравнить с работой звукооператора, ИЗМЕНЯЮЩЕГО ПОЛОЖЕНИЕ рычагов на пульте управления и добывающегося, таким образом, нужного звучания. Т.е. управляющим воздействием является изменение КООРДИНАТ предметов. Но понятие «координат» имеет смысл только в координатной системе, т.е. совокупности объектов, считающихся БАЗОВЫМИ, «неподвижными». Мне кажется, я нашел такую координатную систему – это Меридиан Мегалитов. Если провести геодезическую линию (т.е. кратчайшее по сфере расстояние) между пирамидами Гизы и островом Пасхи, известном своими мегалитическими статуями, ее продолжение, огибая Земной Шар, пройдет через Петру, шумерский Ур, рисунки пустыни Наска, мегалиты Перу и Боливии, причем Наска делит полукруг между Гизой и ее антиподом в соотношении «золотого сечения», а антиподом острова Пасхи является загадочный и мистический Кайлас на Тибете. Все это не может быть случайностью, особенно в свете истории Ребекки. Если нельзя разрушить предметы, того же эффекта можно добиться, разрушив «координатную систему» – меридиан мегалитов. Одна из таких попыток, видимо, описана во фрагменте книги «Бытие», связанном с Вавилонской Башней, т.к. целью

строительства было вернуть на землю «ушедших» богов. Долгое время этот фрагмент считался притчей, пока не были найдены развалины зиккурата Этеменанки.

– Зиккурат Этеменанки не может быть Библейской Вавилонской башней, просто по времени. – Возразила Леа. – Он был построен Навуходоносором II через 1200 лет после событий, описанных в Библии. Ты забыл про Мохенджо Даро. Он находится на том же «меридиане», а найденные нами свитки, относятся к той же письменной культуре. Город был разрушен ядерным взрывом примерно 3,700 лет назад, что вполне совпадает с Библейской датировкой эпизода, связанного с Вавилонской башней.

– Но Мохенджо Даро в Индии, а не в Ираке. Я уж не говорю про «ядерный взрыв» 3,700 лет назад.

– А кто сказал, что «Вавилонская башня» имеет хоть какое-то отношение к городу Вавилон? Тут много путаницы. Во второй книге Пятикнижия, книге «Исход», говорится, что Моше-рабейну получил Скрижали Завета на горе Синай и многие поколения «читателей» абсолютно уверены, что это произошло на Синайском Полуострове. На самом же деле, Библейское «Синай» образовано от ивритского «снэ» – терновник, потому что впервые к этой горе Моисей пришел на свет горящего терновника, «Неопалимой Купины», еще будучи пастухом, а это никак не могло быть на Синае. Гора Синай это не «Джабль Муса» в синайской пустыне, а Кар Ком, здесь, у нас, в южном Негеве. На сегодняшний день это признал даже Ватикан. Что же касается Вавилонской башни, то в Библии об этом сказано так.

«И было: двинувшись с востока, нашли (люди) долину в земле Шинар, и поселились там. И сказали друг другу: давай наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а горная смола была у них вместо глины. И сказали они (друг другу): давайте построим себе город и башню, главою до небес; и сделаем себе имя, чтобы мы не рассеялись по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие». (Бытие. 11:2—11:6). «И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Поэтому наречено ему имя Бавэл, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по лицу всей земли». (Бытие. 11:8—11:9).

И опять тут много неясного. Сама морфологема первого же предложения говорит о том, что пришедшие (или пришельцы?) отличались от живших там. Чем? Ростом, цветом волос, глаз, кожи? Кроме того, они владели технологиями, неизвестными «аборигенам». Так может это и есть голубоглазые, белолицые, светловолосые гиганты АРИИ? Это, кстати, объясняет отсутствие крепостных стен у Мохенджо Даро: кому придет в голову нападать на тех, кто на порядок «выше», в прямом и переносном смысле. Много неясного и с «землей Шинар» (или Синар, что одно и то же). Традиционно ее относят к Месопотамии, но мало кто задумался над тем, что эта привязка гораздо более поздняя. Ее сформулировали составители Септуагинты (перевод ТАНАХ-а или Ветхого Завета на греческий) во II веке до н. э. Основывались они на имени города – Бавэл, а затем, поскольку Шинар уже был отнесен к Месопотамии, идентифицировали Бавэл, как Вавилон. Налицо очевидная рекурсия. Само же словосочетание «эрец ше наар (что пишется так же, как Ш (С) инар)» может быть переведено, как «земля отрочества», или – «историческая родина». Так, кстати, называлось и древнее государство на территории нынешнего Судана. Но исторической родиной ариев был Индостан. Именно эта территория была колыбелью их цивилизации. И если смешение (а точнее, разделение) языков произошло там, с последующим расселением новообразовавшихся племен по континенту, это полностью совпадает с официальной версией о происхождении современных европейских народов, а также объясняет родство с санскритом большинства европейских языков, называемых «индоевропейскими». Следующий вопрос: КТО эти «люди», называемые арии? Сама стилистика эпизода выглядит, как вставка из каких-то других, более ранних источников. Но такими источниками могут быть только Веды. Тогда, вероятнее всего, общность, о которой идет речь – это осколок ведической цивилизации, уцелевший после глобальной катастрофы,

именуемой «битвой на Курукшетре» и просто вернувшийся в ареал своего обитания. Вернувшись, люди захотели, естественным образом, восстановить свой прежний образ жизни, включая не только устройство и планировку городов, но и пантеон небожителей. Слова «сделаем себе имя» могут быть переведены и как «призовем себе БОГА», т.к. ивритское слово «шем», означающее «имя», является также эвфемизмом слова БОГ. И то, что город был разрушен, а сами они рассеяны, говорит о том, что обращены их устремления были не к Библейскому Богу Творцу. Название же «Бавэл» означает не «смещение», как многие думают, а «Ворота БОГА».

– Так вот откуда ощущение глобальной катастрофы в нашем, с Йорамом, сне. – Задумчиво произнесла Кьяра.

– Наш сон, если помнишь, привел нас в Хастинапур, а не в Мохенджо Даро.

– В Хастинапур нас привел «фоторобот», сделанный на основе нашего сна.

– Поскольку речь идет об очевидной культурной общности, эти города могут быть очень схожи. – Продолжила Леа. – Мохенджо Даро раскопан менее чем на десять процентов, а изучен и того меньше – раскопки прекращены из-за опасности фильтрации подземных вод, грозящих уничтожить памятник.

– Красивая теория. – Заговорил, молчавший до сих пор, Вадим. – Удачная догадка насчет «системы координат». Вот только, я думаю, ты – Вадим посмотрел на Йорама – поменял местами «причины и следствия». Мегалиты твоего «меридиана» не СОЗДАЮТ аномальную зону, являющуюся «началом отсчета», а ОБОЗНАЧАЮТ ее. Но тогда цель наших «оппонентов» – не разрушение мегалитов, а приведение их в действие. Идея о том, что эти мегалиты являются частями некоего механизма, или «силовой установки», не нова. «Запуск» этой силовой установки изменит «координатную полярность», в результате чего, «мобильные» артефакты Второго Храма из сдерживающего фактора превратятся в катализирующий. Леена теория о «Вратах БОГА» в Мохенджо Даро это полностью подтверждает.

– Покажите мне этот ваш Мохенджо Даро. – Вдруг сказала Ребекка.

Леа вывела на экран своего ноутбука слайдовую экспозицию, сделанную еще в Индии.

– Я ТАМ была. – Ребекка несколько растерянно оглядела остальных.

В этот момент во входную дверь тихонько постучали.

* * *

Гончар медленно шагал по амстердамскому кварталу Красных Фонарей. Ему нравилось это место, как может нравиться глянцевая обложка «плейбоя»: порок-diet, порок-light. В стороне, вокруг высокого, «грузного», чернокожего мужчины лет тридцати толпилась стайка мелких уличных сводников – «розничных агентов», словно пирани, в ожидании своей добычи – наивного простака «с амбициями»: своя «витрина» на центральном бульваре – это как собственное телешоу в «prime time» – этого еще надо «заслужить». Мимо прошли молодые туристы из Британии, среди которых выделялся рослый смуглый парень с, собранными в пучок на затылке, тугими черными косичками. Совсем молоденькая девушка в одной из витрин, из одежды обремененная только стрингами и ярко-красными, на высоком каблучке, сапожками до колен, энергично зажестичулировала с простодушной улыбкой пытаясь привлечь внимание британца с экзотической прической. Поймав ее взгляд, тот как-то виновато улыбнулся, указав глазами на одну из девушек в группе и сделал неопределенный жест руками, могущий означать что угодно, от «я занят», до «не представляю, что с тобой делать». От «стайки» отделился неопределенного возраста чернокожий «парнишка» и, подойдя в плотную к Гончару, забубнил, внимательно разглядывая покрытие мостовой и нарочито форсируя заискивающе-просительные интонации.

– You are big man...

– Крутись в другом месте. Здесь еще успеешь. – Беззлобно пробурчал Гончар.

Внезапно лицо парня стало осмысленным и он указал взглядом в сторону витрины с давешней девицей, у которой в этот момент остановился круглый, как колобок, индус, намереваясь начать «бизнес-переговоры».

– Занято! – Рывкнул над его ухом Гончар, заходя внутрь «алькова».

Задернув шторы, девушка молча указала на едва заметную дверь в дальнем углу. Пройдя в нее, он оказался в уютной, не без «шарма», квартирке-студии, состоящей из салона и крошечной кухни. Большую часть салона занимал просторный мягкий диван и два таких же кресла, симметрично расположенные вокруг изящного журнального столика, со стеклянной столешницей. В одном из кресел сидел, вытянув ноги, гигантский, похожий на викинга, альбинос, казалось вот-вот готовый вытащить из-под кресла окровавленный боевой топор с, отполированной до зеркального блеска твердыми как камень мозолями, рукояткой. Этого впечатления не мог рассеять даже дорогой, в едва заметную серую полосу, темный костюм и мягкие кожаные, от «Армани», черные туфли.

– Ты просил о встрече. – Бесстрастно произнес «викинг».

– Я просил о встрече с НИМ.

– Этого в послании не было.

– А если б было?

– Думаю, результат был бы тот же. Тебе это важно?

– Слушай, а ОН вообще существует?

– Более определенно, чем мы с тобой, но не советую тебе пытаться в этом убедиться.

– Не грози мне. – Так же бесстрастно ответил Гончар. – Выстрел в Ребекку все изменил.

– Это была ошибка. Целью была не она.

– В моем доме?!

– У нас не было выхода: когда не знаешь, сколько времени у тебя осталось – это, как правило, означает, что его нет вообще. Он велел передать тебе это. – Альбинос достал из внутреннего кармана продолговатый, сероватого оттенка, незапечатанный конверт.

Заглянув внутрь, Гончар вытащил из конверта сложенный в «трое», листок плотной, такого же сероватого оттенка, бумаги, с каким-то странным геральдическим тиснением в верхней части и не менее странной строкой символов, похожих на древнеегипетские пиктоглифы – в центре.

– Это для Ребекки. Ты куда-то их упрятал. У нас возьмет время, чтобы их найти. Немного, но сейчас, как я уже заметил, его нет вообще. Тебе, в качестве «бонуса», велено передать на словах: «жестких» мер больше не будет, но есть проблема, которую надо решить. Остальное тебе расскажет Ребекка, когда увидит ЭТО.

* * *

Открыв входную дверь, Ребекка обнаружила, что за ней никого нет, но уже собираясь захлопнуть ее обратно, увидела на пороге продолговатый, сероватого оттенка конверт.

Когда тщательно закрыв за собой дверь и подойдя к столу, она вытащила из конверта сложенный в «трое», листок плотной, такого же сероватого оттенка, бумаги, с каким-то странным геральдическим тиснением в верхней части и не менее странной строкой символов, похожих на древнеегипетские пиктоглифы – в центре, кровь отхлынула от ее лица, сделав его похожим на все еще дрожащий в ее пальцах листок.

– Все не то, чем кажется. – Произнесла Ребекка таким же бесцветным, «серым» голосом. – ИХ целью, там в Брюсселе, была не я, а ты. – Она в упор посмотрела на Лею. А еще – **МОЙ МУЖ ЖИВ.**

Беседа. Фрагмент восьмой

– Почему мысль о пришельцах- атлантах, посетивших или до сих пор посещающих нашу Землю, так будоражит умы: сколько-нибудь серьёзный ролик на эту тему на YouTube собирает миллионные аудитории?

– Поиски пришельцев во многом эквивалентны поискам Бога. Не идеи, не «общечеловеческого этического идеала», а Живого, Того, Кто Есть и все видит. Однако, определив Его, как Такового, Ветхий завет лишил нас «удовольствия непосредственного общения»: не то, что увидеть или понять, но даже назвать Его нельзя. *«Не произноси Имени Господа, Всесильного твоего, в сие...» (Исход 20:7)*. А тут – ПРИШЕЛЬЦЫ. Они как БОГ – несоизмеримо сильнее и могущественнее нас, а в тоже время, их можно потрогать, ощутить, пусть и с некоторым омерзением, зеленовато-сероватую субстанцию кожи, почувствовать, хоть и ядовитое, но ЖИВОЕ дыхание. А главное – приобщиться к СИЛЕ... Враждебной?! Ну и пусть! Лишь бы ощутить себя частью чего-то более великого: вот, когда начальник затрясется от страха, узнав КТО Я!!!

– А может быть, все не так плохо?! Может быть ОНИ есть те, кем и названы в Святых Книгах: Ангелы Господни! Не только наблюдающие, но и хранящие...

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски Доброго Бога
И – ах, да поможет мне Бог...
А. Галич. Псалом.

Глава 8. Свет

Свет был не просто ярким. Он был **ВСОБЪЕМЛЮЩИМ**, «плотным», осязаемым. Тактильные ощущения были настолько сильны, что воспринимались почти как боль! Но при этом исчезло ощущение веса – это было, как на тренировках по имитации невесомости... Давно... Что-то случилось со временем. В голове, черной на белом молнией, мелькнула строчка из одного русского поэта, кажется, лауреата Нобелевской премии: «... он слышал, как время утратило звук»⁵. Команда! Вадим, Кьяра, Ребекка, Йорам – они ведь как дети, куда они без него?! Звучание их имен словно рассеяло тактильную боль, отозвавшись в груди странным теплом... Станным?! Он кого-то забыл – Леа? Но она не в команде... Что было до света?! Ах да, они смотрели запись камеры наблюдения. На реверсе – он еще подумал, что это похоже на фантазию Аверченко о Ленине и жаль, что ребята не поймут его ассоциацию. Они вообще многого не знают, но они гении, а он всего лишь **ХРАНИТЕЛЬ**. Нет, определенно что-то со временем: конверт из плотной сероватой бумаги поднялся с каменной плиты у порога и проскользнул с легким постукиванием до середины двери, резко изменил траекторию, влетев в руку почтальона, скорее всего – студента в вязанной кипе, желтой футболке и светлых шортах «на три четверти». Но что-то было **ДО** этого... Да нет же, это было **ПОТОМ** – возле двери появился чернокожий парень, лет двадцати трех – двадцати пяти. А потом **ГРЯНУЛ СВЕТ**...

– Где Леа? И почему она «не в команде»?! – Ури обводил комнату невидящим после яркой вспышки взглядом, пока его глаза не встретились с глазами Кьяры.

– Ты тоже это **УСЛЫШАЛ**?! – Ее глаза были широко раскрыты, зрачки расширены.

– Что это было? – Раздался растерянный голос Вадима.

– Я все объясню. – Произнес невысокий, спортивного телосложения чернокожий парень, лет двадцати трех – двадцати пяти, стоя в центре комнаты и, казалось, ожидая, когда остальные придут в себя.

– Кто вы такой? – В голосе Ури наконец зазвучали привычные «вежливо-металлические» интонации.

В этот момент экран на противоположной, от пластиковой доски, стене ожил и на нем появилось встревоженное лицо Гончара.

– Что там у вас происходит? Полчаса не могу пробиться!

– *Ni, sir! You are big man...* Внезапно заговорил незнакомец нарочито форсируя заискивающе-просительные интонации, явно диссонирующие с откровенно насмешливым взглядом, которым он разглядывал лицо на экране.

– Я бы мог догадаться. – После некоторой паузы с нескрываемой досадой произнес Гончар.

– Но не догадался. Я опоздал – Леа у НИХ и это гораздо хуже, чем омраченный ритуал гостеприимства. Я все объясню твоим друзьям. Так что, «перезвони» попозже.

– Ребекка знает, как со мной связаться. – Скорее «хладнокровно», чем «холодно» ответил Гончар.

– Я тоже. – Попытался «успеть» незнакомец вслед гаснущему экрану.

– Где моя жена и кто ты такой? – Скорее «холодно», чем «хладнокровно», заговорил Ури сосредоточенно глядя в глаза незнакомцу. – Постарайся отвечать в такой последовательности, иначе можешь не успеть...

– Твоя жена жива и в полной безопасности, чего не скажешь о нас. Где именно – не знаю и чтобы узнать, попытайся терпеливо и, главное, спокойно выслушать ответ на второй вопрос. Не поможете, Хенутсен-Хут? – Внезапно повернулся он к Ребекке.

⁵ Иосиф Бродский. Сретенье.

– Ты?!!!

– Все зависит от того, какой именно смысл Великая Царица вкладывает в этот возглас. Да – я, «ничтожнейший» паро Тутмес, хозяин «заведения», озаренного присутствием Луноликой, по воле ее царственного супруга, действительно превратившегося в прах в нижней камере Великой Пирамиды. Надеюсь, утешением ему будет то, что в веках она стала носить его имя. Надеюсь, ибо чувствую свою вину за случившееся (хоть «венценосный» и был большим дерьмом) – это я открыл ему ее ТАЙНУ. Изучая древние папирусы, я проник в тайну Великой Пирамиды еще во времена искуснейшего из воителей Хасехемуи, объединившего Верхнее и Нижнее царства в единый Египет для своего венценосного наследника, основателя III династии, Священного Нетериерхета, Вашего пра-пра-пра-дедушки. И, конечно же, сразу рискнул испытать свое открытие. Пирамида подействовала на меня несколько иначе, чем на Вас: каждый раз я умираю и рождаюсь заново, в новом теле, с новой судьбой – это бывает «неприятно», а иногда и болезненно, особенно рождение. Но у всего есть своя цена: я абсолютно точно помню все, что со мной случилось за эти тысячи лет, каждую смерть, каждую инкарнацию и даже всех своих родителей: иногда бывало забавно пугать их обнаруживая свои способности в возрасте трех-пяти лет. К сожалению, в отличие от ведических героев, я не могу выбрать в какой семье родиться – родившись однажды в семье потомственного алкоголика и садиста, я навсегда утратил охоту к своим «невинным шалостям». Постепенно моей единственной и всепоглощающей страстью стало исследование пророческих откровений. Я разработал метод приведения их к «общему знаменателю», единой морфологеме, что позволяет накладывать их друг на друга, выявляя крупницы истины в мутном потоке шарлатанства. Понимаю, как нелепо-напыщенно это звучит, но я действительно горжусь своим «изобретением». В середине XV века я, с точность до полутора часов предсказал извержение вулкана Кракатау в 1680-м и 1883-м годах. А еще через сто лет, в середине XVI, с точностью до нескольких месяцев, вычислил даты рождения и смерти Ленина, Сталина, Гитлера и Муссолини. В отличие от других пророков, с кавычками и без, я могу сам оценить эффективность своего метода, внося в него соответствующие коррективы. Я довел этот метод до уровня высокого искусства и даже появление компьютеров не сделало его банальным. В древних пророчествах, с настойчивой цикличностью, повторяется миф о близнецах, вскормленных волчицей, при этом «волчица» – это не всегда животное, но олицетворение чуждых человеку сил. Одно из воплощений этого мифа, а точнее – пророческой легенды, происходит сейчас. Мои вычисления указали на твою – он повернулся к Ури – жену, как биологическую мать близнецов, которые станут причиной, а возможно и орудием, разрушения этого мира, превращения его в кровавый хаос. Я не знал, кто, или что, будет той чуждой силой – судя по технике похищения, это пришельцы, но я не мог бездействовать. Выстрел в Брюсселе заказал я и если Вы – продолжил незнакомец, снова переходя на нарочито-уважительные интонации – не позволите гневу затмить Ваш разум, то поймете мои мотивы.

– Я не позволю гневу затмить разум, но я позволю разуму превратить тебя в калеку на все последующие «инкарнации», если ты не поможешь нам ее вернуть.

– Именно для этого я и здесь. Вы уже поняли, а однажды, как я «слышал», даже применили, главное отличие нашей, Библейской цивилизации от Ведической – сослагательность пророчеств: до определенного момента (именуемого вами, энтропийной воронкой), они допускают альтернативное развитие событий, «свободу выбора». В нашем случае такой «энтропийной воронкой» будет рождение близнецов. Мы должны успеть вернуть ее до того, как это случилось.

– Но ведь она даже не беременна!

– Думаю, Вы ошибаетесь. Просто Вы об этом еще не знаете, но зачатие произошло. – Их гость пристально посмотрел Ури в глаза, что заставило того, неожиданно для самого себя, смущенно отвести их в сторону. – Поэтому ОНИ и произвели «изъятие» именно сейчас –

им запрещено генетическое смешивание. Насколько могу судить, этот запрет был установлен после Великого Потопа и существуют механизмы, обеспечивающие его неукоснительное соблюдение. Вернув ее до рождения детей, мы реализуем альтернативный, счастливый в прямом смысле этого слова (во всяком случае, для нас), вариант реальности. Но времени у нас не так много – они умеют его «сжимать». К сожалению, не могу назвать цифру, но чем скорей, тем лучше. Впрочем, это и так очевидно.

– Как тебя зовут? – Вдруг спросил Вадим.

– Называйте меня Вилли. В этой инкарнации «откликаюсь» также на имена Вэлвел, Зэев, Владимир.

– Но почему именно Леа? – Впервые за время их знакомства, Ури выглядел искренне обескураженным.

– Не знаю. Мои вычисления (как и положено вычислениям) абстрактны. А в ее биографии я не нашел ничего, что могло бы это объяснить. Более того – ничего необычного. Ну кроме, разве, того, что она – «пандектный» ребенок, т.е. выношена и рождена суррогатной матерью.

– Стоп! Отсюда поподробней! – Зрачки Кьяры сузились, как у кошки, а в чертах лица появилась, так хорошо знакомая Вадиму, «птичья» заостренность.

– Может быть, Вы? – Вилли повернул голову в сторону Ури.

– Мне об этом ничего неизвестно. Она вообще мало говорила о семье. Знаю только, что, несмотря на ортодоксально-религиозные устои, которых придерживалась семья, мать настояла на ее светском образовании, чтобы дать дочери возможность сознательного выбора.

– Важное дополнение. Итак, ортодоксальная хасидская семья «имярек» из Йоханнесбурга была бездетна. Помимо, обычных в таких случаях, нравственных проблем, это существенно влияло на их социальный статус: в этой среде, как вы конечно знаете лучше меня, подобное воспринимается как ущербность, способная привести чуть ли не к социальной изоляции. Пандектная процедура представлялась идеальным решением, однако, из-за редкого сочетания групп крови и резус-факторов (что, в сущности и мешало «естественной» беременности) выбор суррогатных матерей был невелик. Они остановились на одной женщине из Ирака, не еврейке, но по всем остальным показателям: медицинским, биологическим и социальным – идеально им подходившей. Вскоре муж получает назначение в хабад-центр в Ришикеше, где произошла трагедия: во время прогулочного плавания на пароме по Гангу утонула жена. Иницированное и оплаченное мужем частное расследование подтвердило официальную версию: нелепое, но от того не менее трагичное стечение обстоятельств, другими словами – несчастный случай. Тело так и не было найдено. Скорбящий супруг возвращается в Йоханнесбург, куда забирает и суррогатную мать, дабы обеспечить ей достойное медобслуживание. Вскоре после рождения ребенка, женщина проходит гиюр и они, с новорожденной дочерью, переезжают в Израиль, где и вступают в законный брак. Вот, собственно, и все.

– Сатьявати. – Произнесла Кьяра, будто принимая эстафету. – Бабушка Дхритараштры и Панду, сыновья которых развязали катастрофическую по своим последствиям войну, с применением ядерного, лазерного, биологического, сейсмического и метеорологического оружия, что и привело к гибели Ведической цивилизации. Была зачата в результате искусственного оплодотворения женщиной-рыбой, апсарой по имени Адрика. Характерно, что точно такая же легенда связана с рождением другой царицы, легендарной ассирийской правительницы Шаммурамат или Семирамиды, зачатой русалкой Атаргатис от семени обычного человека и построившей Вавилон. «Как причудливо тасуется колода! Кровь!»⁶. Вот почему суррогатная мать была из Ирака, а биологическая утонула в Ганге, словно замыкая цикл древних воплощений.

– Ну и что это нам дает? – Угрюмо посмотрел на нее Йорам.

– Пока немного, но лучше, чем ничего.

⁶ Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита.

– Постой. – На лице Ури отразилась мука необходимости говорить и думать о чем-то отвлеченном, когда Лее, ЕГО ЛЕЕ, грозила опасность. – Время. Ты – он посмотрел на Вилли – говорил, что ОНИ владеют тайной искажения времени. Это то, что не давало мне покоя «внутри света».

– Локальные игры со временем, – неуверенно начал Вадим – т.е. искажения, при которых время для одних течет иначе, чем для других, должны иметь строгую пространственную привязку. Иначе они превращаются в глобальные, сиречь такие, при которых время течет иначе, но одинаково для всех, а это не наш случай. Выстраивая гипотезу о «Вратах БОГА» в Мохенджо Даро, Леа сослалась на Библейский текст, начинавшийся словами: «*И было: дви-нувшись с востока...*». (**Бытие. 11:2**). Меня еще тогда зацепило это «с востока»: относительно недалеко, к востоку, от Мохенджо Даро находится гора Кайлас, которую многие очевидцы определяют, как зону устойчивых временных флуктуаций. Ивритское «кедем», означающее «восток», является так же соотношением предшествования – «раньше». Люди, которых она назвала осколком Ведической цивилизации, пришли не просто с востока, они пришли из прошлого, из времени Сатьявати! И произойти это могло только на Кайласе – там окно временного портала. Если похитители Леи используют локальное искажение времени, то, вероятнее всего, делают они это там. Что-то не так? – С удивлением обратился он к Кьяре, в этот момент задумчиво обводившей взглядом всех присутствующих.

– Театр масок: Воин, Блудница, Шут, Колдунья, Простодушный и Чернокнижник – свита Демиурга... Гончар!

В этот момент раздался вибросигнал SMS сообщения на iPhone Ребекки.

– Это Гончар. Он ждет нас на Кайласе.

Беседа. Фрагмент девятый

– «Бывали ль вы у Спаса-на-крови?
Там рядом сад с дорожками. И кущи.
Не прогуляться ль нам на сон грядущий
И поболтать о странностях любви?»⁷.

– Может лучше о совести. Знал я одного адвоката. Как-то на вопрос, не требует ли от него профессия слишком «жестокоего» насилия над совестью, он ответил: «Об этом можете не беспокоиться. Моя совесть абсолютно чиста – никогда ею не пользовался». Потом стал министром.

– «... Я вот что заметил при этом: что самый закоренелый и нераскаянный убийца все-таки знает, что он преступник, то есть по совести считает, что он нехорошо поступил, хоть и безо всякого раскаяния. И таков всякий из них, а эти ведь, о которых Евгений Павлыч говорил, не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что право имели»⁸. Я всегда считал, что генетическое отсутствие СОВЕСТИ – главный симптом коммунистической пассионарной мутации и, в общем, был прав. Только оказалось, что проблема гораздо глобальнее. Простой пример. Сколько монографий написано о Евгении Онегине! Когда какая глава, да что там глава, когда какая рифма возникла! Об изощренной гениальности Пушкина, сумевшего неудачную светскую интрижку поднять до высот античной трагедии. И никто почему-то не заметил, что это роман совсем о другом... О страшном... О чудовищном – об утверждении коммунистического мироощущения, как социальной нормы. Не «лишний человек в галерее лишних людей» Онегин, а первый в русской литературе БОЛЬШЕВИК («большевик» – это ведь не идеология, а биология): совершенно хладнокровно, от скуки, он убивает поэта,

⁷ Александр Галич. Вечерние прогулки.

⁸ Ф. М. Достоевский. Идиот.

а весь пафос его переживаний, «драматургия конфликта» сводится к тому, что Таня не дала... А изощренный гений Пушкина проявился как раз в том, что он показал каким «очеловеченным» может быть чудовище и каким чудовищем может быть человек. Не Онегин! Нет! А мы, читающие и видящие в нем интересного собеседника, харизматичного знакомого, в общем – ЧЕЛОВЕКА.

– Думаю, ты прав. Суть главного нравственного конфликта эпохи не в противостоянии добра и зла, а в противостоянии добра и зла тьме мрачной БЕССОВЕСТНОЙ бездны, в сравнении с которой даже Зло – созидательная сила.

«– Так кто ж ты, наконец?»

– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»⁹.

⁹ Гете. Фауст.

Глава 9. Кайлас

– Ты один из НИХ ... – Интонационно фраза была, скорее утвердительной, однако в, устремленных на Гончара, глазах Кьяры угадывалась надежда (впрочем, довольно робкая), что ответ будет отрицательным.

Они стояли у входа в его шатер, достаточно просторный и даже, насколько это было возможно, комфортабельный, что, как-то само собой, превратило его в «кают-компанию» их экспедиции. Шатер располагался в центре квадрата, образованного четырьмя палатками поменьше, яркого, «чистого» оранжевого цвета. Метрах в ста пятидесяти была оборудована вертолетная площадка, а над всем этим, блистающий равнодушным великолепием геометрически строгой «необъятности», возвышался заснеженный Кайлас, словно убеленный сединой запредельного, мистического, «нездешнего» знания.

– Был когда-то. – Ответил тот, совершенно не удивившись.

– А теперь?

– А теперь я один из ВАС. Ну может быть, с некоторыми «привилегиями».

– Можешь объяснить? – Слова срывались с ее губ облачками легкого прозрачного пара в разреженном морозном воздухе. «Странно, – подумала про себя Кьяра – но его дыхание абсолютно „бесцветно“».

– Я немного иначе устроен. – Ответил Гончар вслух на ее мысли. – Как видишь, я тоже это умею. Что же до «озвученного» тобой вопроса – попробуй объяснить дальтонику, что такое зеленый цвет. Собственно, именно это мне сейчас и предстоит объяснить вам. Вам всем.

Войдя под своды шатра, они обнаружили «всех» молча сидящими вокруг большого круглого раскладного, но тем не менее, устойчивого стола. Они казались другими. Кьяра уже слышала, что даже несколько часов, проведенные у подножия Кайласа, меняют людей, но не думала, что настолько. Речь даже шла не о них, а о ней самой: не только ВСЕ, но и ВСЁ, даже собственные воспоминания, казались другими. Вечность здесь ощущалась на каком-то первобытном, «субклеточном» уровне.

– И так, господа, судя по, столь не свойственной вашей компании, тишине, вы уже ОЩУТИЛИ магию этого места. Вечность здесь ощущается на каком-то первобытном, «субклеточном» уровне. – Гончар, чуть прищурившись, посмотрел на Кьяру. – Вам предстоит странное, нелепое, героическое действие – стать БОГАМИ. Не поиграться в них, не примерить на себя «функцию» в ролевой игре, а СТАТЬ. Что отличает вас от БОГОВ? Время! Почему Он, говоря о будущем, произносит «сделал», а о прошлом – «сделаю»? Почему так безнравственны Олимпийские боги? Нет, ну в самом деле, вряд ли можно назвать образцом нравственности любвеобильность Зевса или патологическую мстительность Афины. Ответ один – ВРЕМЯ: они изучали его, как вы препарируете лягушек, они понимали его свойства, альтернативность БУДУЩЕГО, а значит, могли оценить последствия своих поступков. Сыновья Зевса стали Героями: выбор Геракла обогатил вашу историю такими понятиями, как благородство и самопожертвование. Превращая одну из сестер Горгон, прекрасную возлюбленную Посейдона Медузу, в страшное чудовище, не уберегла ли тем самым Афина вас от экспансии чудовищ гораздо более страшных, таких как Хрисаор и Герийон? Они не учли лишь одного: вы – ЛЮДИ, т.е. нравственность для вас понятие не «природное», а философское. Их поведение создавало прецедент: если похоть свойственна богам, то почему она запрещена мне? Да более того – предаваясь ей, я сам становлюсь БОГОМ! Будущее?! Пусть оно позаботится о себе само: то, что приятно мне здесь и сейчас – нравственно! Да более того – нравственно то, что приятно МНЕ, здесь и сейчас! Чем это закончилось – известно:

«И увидел Господь, что велико зло человека на земле, и что вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время. И пожалел Господь, что создал человека на земле,

и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю человека, которого Я сотворил с лица земли...» (Бытие. 6:5—6:7).

Парадокс же заключался в том, что именно отсутствие СОВЕСТИ лишало людей власти над ВРЕМЕНЕМ. Но нашелся один выродок, у которого нравственность была БИОЛОГИЧЕСКОЙ мутацией, да такой сильной, что увидев гибель человечества, хоть и нечестивого, порочного, он не возликовал от своей избранности, а едва не спился от горя. Ной дал начало новой СОЦИАЛЬНОЙ ПОПУЛЯЦИИ. Не то чтобы эта популяция была сильно нравственной, но совершив гадость, человек все-таки знал, что это гадость, а муки совести были не литературным, не абстрактным понятием. Естественно, не у всех, но исключения, пусть и немалочисленные, не представляли собой СОЦИАЛЬНОЙ целостности. Этому способствовало и то, что Он дал вам просто и четко сформулированный нравственный канон – Десять Заповедей... ОН не учел только одного: вы – ЛЮДИ. На рубеже XVIII – XIX веков нового времени возникла новая биологическая мутация, носители которой через сто лет уже составили «новую общность людей», новый социум, вошедший в историю с прилагательным «коммунистический». Наиболее ярко это проявилось в России, не случайно поэтому, что первыми опасность заметили русские писатели. Пожалуй, наиболее точно ситуацию описал Достоевский: «... а эти ведь, о которых Евгений Павлыч говорил, не хотят себя даже считать преступниками и думают про себя, что право имели»¹⁰, а один из величайших мыслителей современности (хоть и большой антисемит) Лев Николаевич Гумилев описал происходящее стройной научной теорией. Заслуга Гумилева состоит в том, что он первым определил СОВЕСТЬ не как социальную, а как СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКУЮ категорию Новые мутанты отличались от остальных отсутствием совести, как генетически наследуемого признака. Когда их количество превысило некоторую критическую массу, они составили новый этнос, новый социум, что позволило им заменить нравственность ЗАКОНОМ. Да еще каким: «То, что выгодно „пролетариату“ (сиречь, мне) здесь и сейчас – законно!». Более того: «Законно то, что выгодно МНЕ, здесь и сейчас!». Ничего не напоминает? Замена понятия «приятно» на «выгодно» тоже не случайна: отсутствие совести лишь одно из проявлений общей эмоциональной скудости, что, в сущности, и делало новых пассионариев непобедимыми. Это, кстати, гениально описал Оруэлл. Ситуация с тех пор не стала лучше. Она стала значительно хуже. Новый НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН уже давно перешагнул границы «одной, отдельно взятой страны», став паролем ключом современного экстремизма: религиозного, этнического – любого. Кто-то уже назвал новых фанатиков «пассионариями» и это правда, как правда и то, что пассионарность сама по себе лишена нравственной составляющей. Это энергия и как всякая энергия, она может быть созидательной, а может и взорвать все с таким трудом созданное. Другими словами, через четыре тысячи лет после Великого Потопа в мире вновь возникло ЗЛО, наполнившееся силой нового пассионарного «цунами», что, как и тогда, способно привести цивилизацию к глобальному краху.

Гончар остановился, как будто перевести дух. Воспользовавшись паузой заговорили все, громко и сразу. В общем «белом шуме» выделился спокойный нарочито тихий голос Вадима.

– Если правильно Вас понял, нравственность или совесть – это инстинкт самосохранения социума, а поскольку человек существо социальное, этот инстинкт «встроен» в нас биологически. Что-то вроде «категорического императива» Канта. Но какое отношение это имеет к близнецам Леи и путешествиям во времени.

– Появление близнецов – это «точка невозврата», энтропийная воронка истории. ВАШЕЙ истории, которая уже давно стала и моей. Мы не можем, да и не должны предотвратить их появление, как пытался Чернокнижник (извини, язык не поворачивается назвать тебя Вилли), но мы можем лишить это событие рокового статуса, переместив его в другой «исторический контекст», а проще говоря, в другое время. Путешествие во времени это не «машина»,

¹⁰ Ф. М. Достоевский. Идиот.

не компьютер, не «телефонная будка» с дигитальным набором – это состояние. А погрузиться в это состояние вам поможет ваша Совесть, Кайлас, ну и ваш покорный слуга, естественно – как совершенно справедливо догадалась Кьяра, я уже «пользовался» этим «порталом».

– Значит Вы – БОГ?

– Странная форма обращения к БОГУ – на «Вы». – Гончар нарочито дружелюбно проигнорировал иронию Вадима. – Есть много спекуляций по поводу того, что Библейское (сиречь, еврейское) Элоhim, переводимое как Бог, имеет грамматическую форму множественного числа. На самом деле, речь идет вот о чем. Один из ваших писателей (запомню имя) попытался описать мир, населенный такими же людьми, как вы, с одной только особенностью: его (мира) физические характеристики и, соответственно, механизм их восприятия – двумерный, плоский. Проявления третьего измерения воспринимались ими как явления мистические, «потусторонние» – во всех смыслах. Нечто похожее происходит и с вами: вы живете в многомерном мире, из которого вам в ощущениях доступны только три, ну включая время, четыре измерения. При этом Он обустроил ваш мозг так, что вы способны сформулировать и даже описать формулами (чисто теоретически) свойства многомерных объектов. В этих иных измерениях обитают СУЩНОСТИ которых вы, в зависимости от обстоятельств, именуете Ангелами или Демонами. После крушения Ведической цивилизации, многие из этих СУЩНОСТЕЙ решили объединиться. Это был не просто «Союз Равных», но образование Целостности, большей чем сумма составляющих ее частей. Отсюда – грамматическая форма множественного числа, но это требовало отказа от собственной индивидуальности. Не трудно догадаться, что были такие, что отказались «отказываться». Их история детализирована в мифах, которые вы называете «древнегреческими». Но после Великого Потопа правила изменились, не только для вас, но и для нас – пришлось выбирать: отказываться от индивидуальности или от бессмертия. Я выбрал второе.

– И кто же Вы в этих мифах? – После некоторой паузы, вновь попытался «съехидничать» Вадим, но иронии не получилось.

– Я в них не фигурирую. Или, скажем так: я не из их числа – СОВЕСТЬ мешает. И это не просто фигура речи. Что отличает СОВЕСТЬ от обычных человеческих эмоций? Страсть, вожеление, ненависть и даже стыд – индивидуальны, поэтому, питаемое этими чувствами, воображение не может вырваться за рамки субъективного. Джек Лондон в романе «Мартин Иден», описывая воспоминание героя об одной давней уличной драке, говорит: «оно было таким ярким, что на мгновение он сам потерял сознание». Что это было? Путешествие во времени? Очевидно, что нет – погрузившись в воспоминание, он не мог ничего изменить. Даже для себя. Не говоря уже об окружающих. Совесть же (как вы совершенно справедливо заметили), являясь инстинктом самосохранения этноса, по природе своей социальна. Открою вам ТАЙНУ – это некий экстрасенсорный канал, энергетическое поле, имеющее свои физические характеристики (частоту, интенсивность) для каждого этноса, но общую природу, Общий Источник. Именно эта энергетическая общность ОЩУЩАЕТСЯ вами как совесть. Кайлас – аномалия, преобразующая энергию этого поля в силу, способную перемещать людей во времени. Не воспоминания, не образы – реальных ЛЮДЕЙ в реальном ВРЕМЕНИ, где ваши поступки будут иметь РЕАЛЬНЫЕ последствия не только для вас самих, но и для МНОГИХ. Вам еще предстоит столкнуться с этим проявлением «парадокса близнецов»: оставленные вами знаки в прошлом, поразят вас самих в будущем. Поразят самым фактом своего существования, став для окружающих неразрешимой мистической ТАЙНОЙ. Но воспользоваться этой силой могут только те, кто ее ощущает, т.е. те, у кого есть СОВЕСТЬ.

– Похоже на старую сказку кого-то из «обэриутов». – Снова заговорил Вадим. – Шварц кажется¹¹: источник живой воды есть, но зачерпнуть ее может только Хороший Человек.

¹¹ Евгений Шварц. Пьеса Тень.

Внезапно Ури обнаружил для себя, что слова Вадима продолжают звучать уже после того, как фраза интонационно завершилась. Звучание было обволакивающим, почти осязаемым, «вязким». Он ощутил ДВИЖЕНИЕ. Он ОЩУТИЛ его как изменение цветовой палитры: ярко-оранжевый купол шатра, за которым угадывалась слепящая, морозная белизна снега, сменился слепящей белизной раскаленного песка, нереальным, почти ощущаемым как горячая твердь, зноем, лишаящим видимое пространство каких бы то ни было полутеней, с нереально белыми стенами приземистых построек, нереально глубоким ультрамариновым небом, нереально прозрачным, до зеленой синевы, как глаза Ребекки, морем – СТИХИЯ. «Кто такая Ребекка? – Вдруг подумал он. – Ах да. Ребята. Команда. НО ОНА НЕ В КОМАНДЕ... Не Ребекка. Нет... ЛЕА!!!!!!!!!!!!!!». Правый бок пекло как от ожога. Рядом, сотрясаемая посмертными конвульсивными сокращениями мышц, лежала гигантская туша какого-то земноводного. Чуть поодаль, пригнувшись в позе тревожно-боязливого любопытства, стоял человек, одетый в грязноватый льняной хитон, перепоясанный грубого плетения пеньковой веревкой.

– Кто ты? – Обратился к нему человек, продолжая соблюдать необходимую, для немедленного бегства, дистанцию. Язык был незнаком, но каким-то странным образом, понятен.

– Ури. – Слово сорвалось в знойный воздух, как неотъемлемая часть сюрреалистичного абсурда, в котором он оказался.

– Арес?! Бог войны!!!

– Нет. Я тот, кто был раньше. Кодем. – Почему-то на иврите добавил Ури.

– Кадем! Ты Великий Воин и Великий Герой – Победитель Дракона! Имя твое не забудут в веках!

* * *

«В ряду древнегреческих Героев, т.е. главных действующих лиц многочисленных мифов, совершенно „особняком“ стоит персонаж по имени Кадем. Его „психологический профиль“, как сказали бы современные криминалисты, коренным образом отличается от его „коллеги“: про-светитель, создатель эллинской письменности, он основал беотийскую столицу – великий город Фивы, дав его гражданам ЗАКОН, весьма прогрессивный даже по современным меркам, впервые нашел медь. Кадем стал одним из могущественнейших правителей Греции. Но, что самое невероятное, был верен жене, прекрасной Гармонии и если бы не трагическая участь детей, можно было бы сказать: „был счастлив в браке“, заключение которого освятили своим присутствием ВСЕ олимпийские боги. Что это? Литературная гипербола или указание на ИСТОРИЧЕСКУЮ значимость этого бракосочетания? Никогда пантеон олимпийский богов не соби-рался на земле в одном месте, за исключением Олимпа! Да и само имя „Кадем“, его лингво-структура, совершенно не характерны для лингвистических морфологем того места-времени. Нельзя не заметить очевидного созвучия с древнееврейским „кедем“ – восток, или „кодем“ – раньше. Каким образом представитель антагонистичной, по отношению к древнегреческой, культуры оказался героем древнегреческих мифов? Загадка! Тайна, достойная вашего внима-ния...»

Сочетание слов «древнееврейский» и «тайна» заставили Вадима вздрогнуть, прерывая лихорадочный поток мыслей: «Какая такая „глобальная историческая необходимость“ занесла его в XXII век, на лекцию по истории античной литературы?». Время пребывания (чуть не подумалось – прибытия) ему удалось узнать, лишь каким-то чудом избежав вполне оправданных подозрений в неадекватности: на пороге аудитории, где должен был начаться семинар, он случайно встретился глазами с симпатичной девушкой, судя по всему, также собиравшейся принять участие в семинаре и, стараясь придать голосу максимальную естественность, спросил не подскажет ли она какое сегодня число? Фраза, несмотря на все его старания, конечно же прозвучала ПРОТИВОестественно, но была воспринята, как несколько неуклюжая

попытка «ухаживания». Девушка, тем не менее, улыбнулась открыто и приветливо (правда не без некоторой снисходительности) и вдруг сказала.

– Как? Неужели Вы забыли? Число сегодня совершенно особенное – 12 декабря 2112 года...

Беседа. Фрагмент десятый

Итак, пустыни больше нет
На этом месте вырос город
Фонтаны, опера, балет,
Проспекты, фауна и флора...

А в центре – озеро, причал.
Скользят суда по глади синей
И только слышен по ночам
Глас вопиющего в пустыне!

Феликс Кривин.

Глава 10. Царь

«Динь-динь-дон, динь-динь-дон
Колокольчик звенит
Этот звон, этот звон
Много мне говорит...»

Постукивания камня о стенки свинцовой юбки на шеях овец недалекой отары наполняли тактильную «твердь» зноя визгливым звучанием повседневности, составленной из однообразия, тяжелой заботы и редких простых удовольствий. Еще несколько мгновений и эта равнина, подернутая седой пылью и одинокими пятнами бурого лишайника взорвется исступлением боя. ПОРА...

«Динь-динь-дон, динь-динь-дон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.